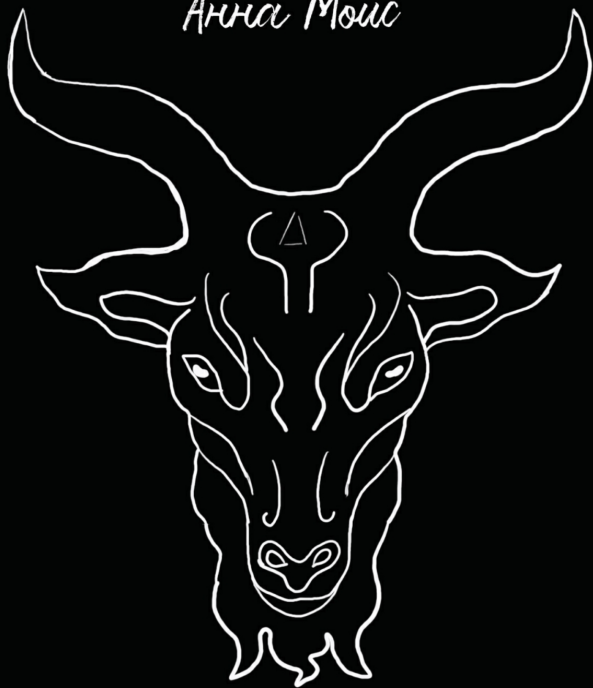

Анна Моис

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

18+

Анна Моис

Девять дней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64497917

SelfPub; 2022

Аннотация

Невероятные события, описанные в этой повести, никогда не происходили на самом деле. Хотя, разве может кто-то с уверенностью об этом заявлять? Может ли кто-нибудь заверить, что девять дней из Картрайн Хилла – нечто иное, как выдумка, фантазия, игра воображения? Ведь, возможно, где-то в другом месте, времени и с другими людьми нечто страшное и поистине зловещее уже происходило. И именно благодаря этим другим людям, мы об этом не знаем.

Содержание

Письмо отца Флеккера	5
Записи доктора Ричарда Филдса	7
Письмо отца Флеккера (продолжение)	9
Записи доктора Ричарда Филдса	10
Письмо отца Флеккера (продолжение)	15
Записи доктора Ричарда Филдса	16
Письмо отца Флеккера (продолжение)	20
Записи доктора Ричарда Филдса (продолжение)	21
Записи доктора Ричарда Филдса	25
Письмо отца Флеккера (продолжение)	31
Записи доктора Ричарда Филдса	32
Записи доктора Ричарда Филдса	33
Письмо отца Флеккера (продолжение)	39
Записи доктора Ричарда Филдса	40
Письмо отца Флеккера (продолжение)	49
Записи доктора Ричарда Филдса	50
Письмо отца Флеккера (продолжение)	61
Записи доктора Ричарда Филдса	62
Письмо отца Флеккера (продолжение)	73
Записи доктора Ричарда Филдса	74
Письмо отца Флеккера (продолжение)	93
Записи отца Флеккера	94
Письмо отца Флеккера (продолжение)	117

Записи отца Флеккера	119
Письмо отца Флеккера (продолжение)	121
Письмо Мари Хьюс	123

Анна Моис

Девять дней

Письмо отца Флеккера

Дорогая, Мари!

Пишу вам, дражайшее создание, из своей церкви в Картрайн-Хилле. Опишу все подробнее, чтобы у вас не осталось вопросов, и вы не томили себя догадками.

Мой визит прошел хорошо. Благо люди, верящие в Бога, верят и в людей. А потому меня не выставили на смех и есть шанс, что силы Всевышнего будут на нашей стороне. Я приехал к десяти утра и меня встретил монах. Епископ долго слушал меня, а потом разрешил поговорить и поведать нашу историю остальным священникам, чтобы кто-то из них решился нам помочь. Я начал с довольно короткого приветствия, но потом меня потянуло на философию, видит Бог, это у меня с детства и делаю я это не намеренно. Я сказал им:

– Многое ли может объяснить наука? Да, но еще большего она объяснить не может. Что было бы если бы мы верили своим чувствам, эмоциям, голосу внутри нас, который мы называем интуицией? Сколько бы жизней можно было спасти, если бы мы не шли путем логики и рационального объяснения. Вы, наверняка, не понимаете цель моего визита и

просьбы, но поверьте, вам станет гораздо понятней, когда с вашего позволения, я прочитаю отрывки из медицинских записей одного очень умного доктора и доброго благороднейшего человека. Эти записи, пожалуй, дадут более развернутое представление о том, что случилось в Картрайн-Хилле всего за девять дней неделю тому назад.

Записи доктора Ричарда Филдса

1 сентября

Не люблю записывать свои визиты к пациентам, но выбора другого у меня нет, иначе потом все смешается. Увы, но я не могу держать в голове информацию долго. Такая уж у меня особенность. Даже не знаю, как стал врачом. Записывать не люблю, но не расстаюсь с блокнотами. Вчера был у Хоффишера. Кажется, у него был нервный срыв, потому что он плакал все время. Слезы не текли, он просто завывал, как ребенок, которому отказано в чем-то, но он все равно надеется разжалобить мать. Я попытался поговорить с ним и выяснить причину его расстройств, но не вышло. Он просто плакал, а потом попросил оставить его одного и, если это представляется возможным в его случае, написать письмо маме. Как бы сказать ему помягче, что его мать мертва уже четвертый год? Но боюсь, еще рано. Он недавно только окреп от этой новости. Периодически он почему-то забывает, что миссис Хоффишер скончалась от лихорадки. Поэтому приходится ему напоминать, и каждый раз он плачет, будто слышит впервые. Так что мне с памятью еще свезло.

Так как разговора с Хоффишером не вышло, я навестил мадам Леванш. Она сегодня снова впала в апатию. Говорила, что жизнь лишена романтики и духа приключений, следовательно, тоже. Ей ничего не хочется, только бы умереть

на рассвете или закате. Ей все равно, но лишь бы одной и в тишине. Рано я собирался ее выписывать. Два дня назад даже документы подготовил, но пусть пока полежат. Боюсь, что в третий раз вытащить ее из петли будет непросто.

По дороге заглянул к миссис Олдриж. Она улыбнулась и, назвав меня сыном, позвала к себе послушать сказку. Я пообещал прийти завтра. Бедная младше меня, но думает, что я – ее сын. Как, впрочем, и каждый из наших санитаров, а также любой мужчина, которого она редко, но может видеть. Как же жестока судьба обошлась с этой милой девушкой, когда забрала ее первенца по дикой и глупейшей случайности.

Писать не люблю, но записал целую страницу всякой ерунды. Приду домой, перепишу в блокнот наблюдения о пациентах, остальное выброшу.

Письмо отца Флеккера (продолжение)

Я прочитал им запись. Сделал паузу. Одни нахмурились, брови их сошлись, как мне показалось. Но они уселись поудобней, заметив количество привезенных мной листков. А я продолжил, преодолевая боль в груди, увидев повседневные записи доктора, который все еще был самым упрямым и трезвомыслящим.

Записи доктора Ричарда Филдса

1 сентября. Два часа ночи

Пишу опять. Странное сегодня приключилось с Хоффишером. Только я пришел домой, выписал все нужное в отдельный блокнот, почитал и лег спать, как ко мне постучали. Я, одевшись наспех, вышел и обнаружил за дверью санитару из дома скорби. Он сообщил мне, что у пациента был сильный припадок, он даже бился головой о пол. Его пришлось привязать к кровати и дать успокоительное, но оно, по мнению санитары, не действует.

До места не далеко, поэтому мы добрались минут за десять, может чуть меньше. Когда я вошел в палату, Хоффишер смотрел в потолок и молился. Я даже не знал, что он набожен, а то, что знает «Отче наш» наизусть – подавно. Я решил, что невежливо отрывать человека молящегося от разговора с Богом, а потому стоял вместе с санитаром у входа, просто наблюдая. Но, когда он запел молитву в пятый раз по кругу, я понял, что останавливаться он не собирается.

– Мистер Хоффишер? – сказал я голосом властным, чтобы он осознал необходимость говорить со мной. Пациент замолчал и поднял голову. Руки его и ноги были крепко привязаны к кровати, сам он лежал на спине. Голова – это все, чем он мог двигать.

– Доктор? Вы не спите? – спросил он. Я сделал вид, что не слышал.

– Что с вами стряслось? – я сел на край его кровати, он следил за мной головой, а потом только глазами, – почему вы привязаны?

– У них спросите, – он указал головой на санитаря, который был бледным и измученным. Надо дать ему выходной для похода к врачу. Санитар же только вздохнул.

– Предположим, что я уже спросил, но хочу услышать вашу версию, – сказал я, понимая, что Хоффишер явно считает, что меры санитаров несправедливы. Он боязливо посмотрел на санитаря, продолжающего бледнеть. Вспомнить бы мне его имя. Парень молодой, работает у нас недели две, но всегда выделялся хладнокровием и стойкостью, однако сегодня его что-то подкачало.

– Простите, вы в порядке? – спросил я, решив, что пусть это будет немного невежливо, не обращаться по имени, но хотя бы по-человечески. Жестоко просто смотреть, как бедняга бледнеет, словно у него выходит кровь вместе с потом.

– Простите, доктор, – заикаясь сказал он, – могу я идти?

Я лишь кивнул и указал рукой на дверь непринужденно.

– Ко мне приходила мама, а они не пустили ее, – прошептал Хоффишер, как только санитар закрыл за собой дверь, оставив небольшую щель, как я велел теперь делать всегда, если в палате есть кто-то, помимо пациента.

Дело в том, что в прошлом месяце Хоффишер неожидан-

но напал на меня, придавил к двери и стал душить. Я едва смог повернуть ручку, чтобы открыть защелку. Тогда дверь открылась, и мы повалились на пол в коридор. Санитары успели стащить его с меня, но я к тому времени уже потерял сознание. Хоффишер потом извинялся долго и даже плакал. А один раз упал на колени и схватил меня за ноги. Санитары тут же решили, что это очередное нападение и надели на него смирительную рубашку. Я тогда не стал им мешать, хотя понимал, что нападать он не собирался. Хоффишер всегда отличался буйным нравом, но обычно это касалось только санитаров, я же мог подходить к нему в любое время, садиться рядом, не боясь за свое здоровье и жизнь. Хотя поворачиваться к нему спиной я никогда не решался.

Но с тех пор и я не подхожу к нему слишком близко, только когда он привязан или в смирительной рубашке.

– Зачем она приходила? – спросил я, сделав вид, что поверил. Иначе никак. Если скажу, что ему почудилось, будет только хуже. А так я смогу узнать, что за иллюзии таятся в подсознании этого бедолаги, которые сознание выдает как факт.

– Она хотела сказать мне что-то, но эти... – он замолчал, и я увидел огонек животной ярости в его глазах, – они не позволили. Один из них появился и стал вопить, мама ушла.

Желание Хоффишера видеть мать вполне объяснимо. Его никто не навещал, кроме нее, а теперь и вовсе никто не приходит. Вполне вероятно, что он видел сон, где она пришла, а

проснувшись больной мозг настоял на том, что это действительность. Потеряв рассудок, трудно отличить явь ото сна.

– Что значит «вопить»? – бесстрастно спросил я, устало вздохнув, – он оскорбил вас?

– Нет, – резко ответил Хоффишер и насупился. Если бы это было возможно, то из его носа пошел пар ярости и негодования, – он оскорбил маму, – теперь он заплакал, а я устало поднял глаза вверх.

– И что он ей сказал? – я положил свою руку на его, пытаясь успокоить. Тот всхлипывал и слова его прерывались, как обычно бывает, если долго рыдать, а потом пытаться говорить.

– Он наз-вал ее Дья-дья-волом, – и он снова пустился в рев.

Видимо, именно это и стало причиной припадка. Утром поговорю с санитаром и объясню ему о необходимости соблюдать этику общения с больными. Немыслимо, чтобы кто-то из работников так неуважительно себя вел по отношению к и без того обиженным богом или кем там еще людям.

– Я обязательно поговорю с ним, – я похлопал Хоффишера по плечу как раз тогда, когда рев его перешел в очередное всхлипывание, – а пока успокойтесь, иначе мне придется распорядиться оставить вас привязанным на всю ночь, – пояснил я, заметив, что кисти его стали синеть. Хотя он не жаловался.

Через несколько минут уговоров и утешающих дружеских

прикосновений мне удалось вернуть пациенту более или менее спокойное состояние. Санитары развязали его, хоть он и рычал, глядя на бледного парня, у которого теперь и руки тряслись. Я справился, хорошо ли он себя чувствует, но тот уверенно заявил, что никаких недомоганий нет и он готов отработать ночь. При этом не смотрел мне в глаза, что навело меня на мысль, что он лжет. В свое оправдание на счет матери Хоффишера, он сказал, что позволил себе выругаться, увидев, как тот бьется головой. Санитар обещал, что впредь такого не повторится и попросил прощения. Даже сказал, что извинится завтра перед Хоффишером. Но я уверил, что в этом нет необходимости, потому что есть вероятность, что завтра он этой детали не вспомнит. Пожелав ему спокойного дежурства, я отправился домой. Переписывать ничего не буду, пусть все остается так. Все равно эти записи для личного использования.

Письмо отца Флеккера (продолжение)

Я прочитал им записи от первого сентября, их я тоже отдал вам вместе с этим письмом, и вы, вероятнее всего, держите их в руках. Надеюсь, вы можете сдержать подступающие слезы. Дай Бог вам сил вытерпеть эту боль. Так вот, когда я закончил читать, они переглянулись, явно не понимая, зачем я это читаю. Я, заметив выражение недоумения на их лицах, решил работать на опережение.

– Понимаю, вам пока не понятен ход моих мыслей, а ход мыслей доктора Филдса тем более, но позвольте мне зачитать его заметки далее, ибо потом я не смогу разъяснить вам суть визита, упустив хоть один день из жизни этого несчастного доктора, – сказал я им. Минуту помолчав, я заметил, что они готовы слушать. Я переложил листки.

Записи доктора Ричарда Филдса

2 сентября

Проснулся уже уставшим и с головной болью. Спал плохо, стоило провалиться в сон, как будто что-то будило меня. В четыре утра выпил стакан коньяка, чтобы уснуть. К счастью, он помог, но теперь болит голова, как обычно бывает у меня после выпитого крепкого спиртного. Приму пилюли и навещу мисс Мари Хьюс. Я не видел ее уже несколько недель, вчера она должна была вернуться из поездки к морю, которая, надеюсь, пошла ей на пользу. У нее странная форма истерии. Стоит ей впасть в припадок, как она начинает задыхаться. Я никак не могу понять с чем это связано. Физически женщина полностью здорова, и во время припадков она вдыхает воздух, но позже говорит, что он словно не проходит в легкие. Как будто что-то блокирует его в горле. Вывести ее из этого состояния помогает коньяк. Я даю ей его нюхать и смазываю губы. После она жмурится, делает несколько резких вдохов, а потом начинает глубоко дышать, при этом тело ее ослабевает, и она может упасть.

Я не считаю нужным держать ее в больнице, но всегда опасаюсь за ее здоровье. Боюсь, если не оказать ей помощь вовремя, то она задохнется. Обиднее всего, что в такие моменты физически она может дышать, но не делает этого почему-то, при чем по доброй воле. Хотя утверждает, что воздух

не проходит, и от нее это не зависит. Впрочем, она искренне в это верит.

Когда она сообщила, что желает поехать к морю. Я был рад, но мне пришлось настоять на том, чтобы она взяла с собой сопровождение. Кто-то должен был находиться с ней постоянно, по крайней мере, днем. Ночью она спит, следовательно, ничего не спровоцирует припадок.

Надеюсь, они не повторялись в отъезде.

К дому Хьюс я прибыл на повозке к одиннадцати часам. Дверь открыла горничная. Она проводила меня в гостиную, где мне пришлось ждать мисс Мари полчаса.

– Доктор Филдс, я прошу прощения за столь длительное ожидание, – сказала она и радостно раскрыла руки для объятий, – мне так неловко, что вам пришлось ждать. И я так рада вашему визиту.

Я обнял ее, но не стал долго сжимать в объятиях, как бы мне этого не хотелось. Все же приличия никто не отменял.

– Я тоже рад. Как поездка? – спросил я, сев на диван, но только после того, как это сделала мисс Мари. Она погрузилась и опустила голову.

– О, доктор, – она прикусила пухлую нижнюю губу, – на корабле был припадок, и я едва не задохнулась. К счастью, среди пассажиров был врач. Его имя... – она приподняла голову, показавшись мне загорелей, чем обычно, но столь же красивой и нежной, – доктор Миррер, кажется, или Миррей... – задумалась она.

– Миррер, вероятно, – сказал я серьезно, – я знаю его, он толковый врач. Вам повезло.

Она смущенно улыбнулась, и щеки ее налились румянцем.

– Как он помог вам? – доктор Миррер лучший специалист в области психиатрии.

Он написал трактат о самовнушении, а сейчас ведет лекции в одном из университетов Англии. Я посещал его курсы семь дней. Он показался мне не только хорошим врачом, но и добрейшим человеком.

Мисс Мари смутилась еще больше.

– Он... кажется поцеловал меня, – щеки ее запылали, и она кашлянула.

Я не сдержал смеха, она посмотрела на меня слегка обиженным и возмущенным взглядом.

– О, милая мисс Хьюс, то был не поцелуй, а искусственное дыхание. Он просто, как бы... – трудно было объяснить суть этой процедуры, – протолкнул воздух в ваши легкие, – закончил я. Мисс Мари выпрямилась, как будто все встало на свои места.

– И как быстро это помогло? – спросил я, сделав серьезный вид, чтобы не смущать ее. Мисс Мари пожала плечами, а к ее лицу стала возвращаться присущая ей бледность.

– А что вызвало припадок? – я смотрел на ее красивое лицо, на тяжелые густые ресницы и ярко-розовые пухлые губы. Это, наверное, писать не стоило.

– Чайка, сэр, – сказала она и усмехнулась. Я усмехнулся в ответ.

– Чайка?

– Она вдруг упала прямо на палубу, когда я прогуливалась. Резко свалилась мне под ноги. Так резко и сильно, что ее голову расплющило, и подол моего платья забрызгало кровью. Но потом еще одна, а потом другая. Я даже не знаю сколько их было, я слышала, как люди вскрикивают, а тушки несчастных падают. А потом меня затрясло, и я стала задыхаться.

– Птицы просто так стали падать? – не знаю, почему спросил я. Вероятно, потому что не совсем поверил ей. Но она закивала, как ребенок.

– Хм, – я задумался, – наверное, больная стая, – что ж, я рад, что припадок был только однажды, – я встал и протянул руку.

Мисс Мари тоже вскочила и вложила в мою ладонь свою. Я поцеловал ее руку, намеренно задержав губы на ее нежной коже. Она снова покраснела.

– Если я понадобится, пошлите за мной, – я, наконец, выпустил ее руку и поспешил удалиться.

К своему несчастью, прямо на выходе столкнулся с мистером Хьюсом, братом Мари. Он посмотрел на меня изумленно. Я лишь приветственно кивнул и покинул дом.

Письмо отца Флеккера (продолжение)

Прочитав им записи Ричарда от второго сентября, я окинул всех взглядом. По их встречным взглядам я понял, теперь что-то в их головах прояснилось. Один священник поднял руку, как в школе ученик, и спросил.

– Падающие птицы? Не намекаете ли, отец Флеккер, что мисс Хьюс стала свидетелем знамения? Ибо все это пустые слова, так как нет ни слова в Откровениях о падающих замертво птицах. Это все выдумки и вздор мистификаторов.

Если честно меня захватил азарт. Не судите меня, милая Мари, но я почувствовал себя ведущим большой игры-викторины или головоломки, где игроки пытаются сложить один огромный и туманный пазл воедино. Я заметил, что улыбался только тогда, когда один из священников уставился на меня, вперив осуждающий взгляд.

– Позвольте зачитать вам дальнейшие записи, – сказал я, сделав серьезное выражение лица. Теперь не приходилось ждать их реакции, они были крайне заинтересованы.

Записи доктора Ричарда Филдса (продолжение)

2 сентября

Снова все записываю, едва успокоившись. Срочно нужно написать доктору Мирреру. Он, судя по словам мисс Мари, прибыл к нам на том же корабле, что и она. О, бедная юная женщина! Сколько мучений она перенесла сегодня. Я уже не говорю о безысходном чувстве страха, первобытного страха перед смертью.

После обеда ко мне прибежал мальчик, я дал ему денег. Он кричал, что письмо следует читать сейчас же. Прочитав его, я ужаснулся. Мисс Мари стало плохо и ее бьют судороги, мистер Хьюс просит срочно прибыть. Я – в чем был, – поймал повозку и отправился в поместье Хьюсов, терзаемый мыслями, что могу не успеть. Не передать словами, как сердце мое колотилось, пытаюсь вырваться наружу, но я закрыл глаза и медленно досчитал до десяти, дыша ровно и спокойно. Всегда помогает.

Меня ждали уже у ворот. Горничная стояла, нервно теребя фартук. Заметив меня, она радостно воскликнула и побежала в дом. Я за ней. В комнате мисс Мари было темно и холодно, окно раскрыто. Она лежала на полу и билась в конвульсиях, жадно пытаюсь вдохнуть воздух. Грудь ее вздыма-

лась. Это значило одно – воздух проходит в легкие, но не выходит оттуда. Она не может не вдыхать, а выдыхать. Ее удерживал старший брат, придавив к полу, чтобы она не поранила себя. На ее шее виднелись порезы от ногтей. Мари выгнулась в неестественной позе, выпятив вверх живот и грудь, отклонив голову максимально назад. Она дергала руками и ногами, но ее брат сидел сверху, прижав собой ноги, а руки он крепко придавил к полу параллельно телу.

– Рич, заклинаю тебя всем, чем только можно, сделай что-нибудь! – воскликнул ее брат, как только я вбежал в комнату.

– Мисс Мари! – я обхватил ее лицо руками, чтобы сфокусировать взгляд на себе, но было поздно. Глаза ее закатились вверх, меня она не видела и, вероятнее всего, уже не слышала.

– Коньяк! Принеси коньяк! – крикнул я горничной, которая всхлипывала, чем еще более нагнетала обстановку. К счастью, она быстро среагировала, и уже через пару минут я смазывал бледные губы мисс Хьюс горьким алкоголем. Но она не реагировала. Грудь ее поднялась еще выше, и я понял, что это конец.

– Мисс Мари, послушайте, вы можете дышать! – сказал я, склонившись и прижавшись ртом к ее уху.

Но она не слушала. Я разорвал шнурки на корсете, чтобы облегчить ей дыхание. Ее брат при этом возмущенно охнул. Делать было нечего, и я сильно, но не так, как мог бы, ударил мисс Мари по ее прекрасному юному лицу ладонью.

Ее брат снова охнул, горничная зарыдала сильней. Я ударил еще раз, ненавидя себя за это. Глаза ее пришли в обычное состояние, она уставилась на меня с нескрываемым страхом смерти, грудь ее опустилась. Она больше не могла бороться. Я дал ей понюхать коньяка.

– Мисс Мари, вы можете выдохнуть. Сейчас. Просто сделайте выдох, – и я продемонстрировал ей, как это делается.

Мисс Мари вдруг резко выдохнула, а потом снова вдохнула и задержала дыхание. Я снова выдохнул резко и протяжно, она повторила. В итоге ее дыхание становилось спокойней, и она расслабила руки и ноги. Глаза ее прояснились, и она закрыла их от облегчения, осознавая, что в этот раз она снова победила Смерть. Я потер лоб рукой, сев на пол и облегченно вздохнув. Брат мисс Мари, Роберт отпустил ее и тоже сел на пол, все еще испуганно дыша. Горничная протянула ему бутылку коньяка, и он выпил прямо из горла.

Я уложил мисс Мари в постель. Говорить с ней не стал, она выглядела уставшей, измотанной и сонной. Даже пилюли давать не пришлось. Я сказал, что зайду завтра и ушел. На выходе обернулся, так как она позвала меня тихим и слабым голосом.

– Я хотела бы, чтобы это был ты, – сказала она с закрытыми глазами.

– Простите? – так же тихо спросил я.

– Там на корабле, я бы хотела, чтобы вы делали мне искусственное дыхание.

Я улыбнулся. Она тоже, хоть и не смотрела на меня, а лежала с закрытыми глазами.

– Поспите, как следует, – сказал я и ушел, стараясь не встречаться с ее братом. К счастью, он разговаривал на кухне с горничной, распорядясь, чтобы та не закрывала дверь спальни мисс Мари всю ночь. Я проскользнул мимо них в гостиную. Услышал свое имя, но выпрыгнул на улицу, как будто не заметил, что кто-то окликнул меня.

Не знаю, что именно провоцирует приступы у мисс Хьюс. Обычно это испуг или нервное потрясения, но что могло случиться сегодня дома, в ее комнате, ума не приложу. Завтра расспрошу ее подробнее. С утра отправлю телеграмму в порт, чтобы узнать, не высадился ли доктор Миррер. Он сможет дать дельный совет. А пока попробую уснуть, я устал, ног не чувствую. Но чтобы успокоиться, выпью бокал бургундского вина.

Записи доктора Ричарда Филдса

3 сентября

Поспать подольше не удалось. Сосед снизу стал стучать молотком, а я всегда сплю чутким сном. Разбудить меня могут даже разговоры на улице, если окно будет открыто, поэтому мне приходится спать с закрытыми окнами даже летом в душную погоду.

Решил пойти к пациентам пораньше и не прогадал. Словно так и должно было случиться. Ругань услышал, как только открыл дверь. Санитары говорили на повышенных тонах. Один из них и вовсе повизгивал и ругался матом.

– Что происходит? – строго спросил я, войдя в кабинет.

Санитары замолчали. В комнате я заметил беременную женщину. Она сидела, обхватив живот, и тихо плакала.

– Этот урод назвал мою жену... простите, доктор, шлюхой Дьявола! – раскрасневшийся санитар указал рукой на женщину. Она заплакала громче, а он насупился.

– Вы назвали его мать Дьяволом, он просто хотел отомстить, – спокойным и ровным тоном сказал я, – не стоит так реагировать на слова душевнобольных людей, Матис, – добавил я, прочитав его имя на куртке.

– Милая мадам, успокойтесь, – улыбнулся я, – вам вообще не следует сюда приходить. Это место... не для тонкой женской души.

– Он ее даже не видел, доктор! Она пришла за мной уже после этих его скверных оскорблений. Я хотел принести ему завтрак, а он...

– Ну, хватит, Матис, – перебил его, не желая слушать, – он болен. Если вы не можете бесстрастно работать здесь, то, может, стоит поискать другую работу?

– Доктор! – возмутилась женщина, – мне рожать через несколько дней, а вы оставите моего драгоценного мужа без работы?! – она резко встала, я удивился, как не родила.

– Осторожней, миссис Матис, – я взмахнул рукой, – так и родить раньше срока не долго. Я никого не выгоняю, просто пытаюсь объяснить вашему супругу, что эти бедняги, которые заперты здесь, не отдадут отчет в полной мере тому, что они говорят.

На том и сошлись. Матис пообещал впредь не принимать так близко к сердцу слова пациентов, особенно Хоффишера, а миссис Матис обещала больше не приходить сюда, чтобы не родить ребенка раньше положенного ему срока.

Другой санитар сказал, что привели нового пациента, но я решил, что будет лучше сначала навестить Хоффишера.

Он сидел в углу и смотрел в решетчатое окно. На его окна поставили решетки после того, как он пытался сбежать на похороны матери, которая к тому дню была мертва два года. Я склонен думать, что Хоффишер проявлял жестокость всегда. Возможно, с детства. Его отец был человеком злым. Не боюсь этого слова, жестоким. Я мало знаю о его прошлом,

но ходили слухи, что отец поколачивал и мать, и его самого. А когда мистер Хоффишер был найден зарубленный топором, то ни у кого не было сомнений, что это сделал его семнадцатилетний сын. Полиция же посчитала, что удары были нанесены кем-то более крепким и взрослым, к тому же мать Хоффишера сказала, что во время смерти мужа она с сыном играла в карты наверху. Так ли это, или мать солгала ради сына, никто не знает. Но через год она привела парня к нам после того, как он метнул в нее топор. К счастью, промахнулся.

– Доброе утро, мистер Хоффишер, – сказал я и закрыл дверь, оставив щель. Я опустил руку в карман халата, сжав свисток.

– Доброе? Ну, не знаю, доктор, – он не смотрел на меня, а я заметил, что в перерывах между разговором со мной, он говорит с кем-то еще. Очень тихо. Слов не разобрать. Хотя, скорее всего их и не было. Я видел только, как он шевелит губами.

– Почему же нет?

– Эта тварь готовится, – сказал он и резко повернулся в мою сторону, я невольно сделал шаг назад.

– О, не бойтесь доктор, я не обижу вас, – Хоффишер обнял колени, – в тот раз я был так глуп, я так сожалею.

– Все нормально, мы же договорились, что я не злюсь, – я обошел кровать, чтобы было лучше его видно и сел на корточки.

– У вас свисток в кармане? – спросил он, расстроившись, – все-таки боитесь меня. Эх, доктор Филдс, а вы были мне единственным другом за всю жизнь, – сказал он и положил голову на колени.

– Я и сейчас ваш друг, – я вытащил руку из кармана, продемонстрировав пустые ладони, – что за тварь?

Хоффишер резко поднял голову и прищурил глаза. Он смотрел прямо на меня, в лицо, нет – в глаза. Так он делал редко.

– Урод.

– Кто?

– Он.

– Санитар?

– Нет.

– Давайте так, – я жестом попросил его подняться, но он не стал, – вы мне рассказываете, что случилось, а я распоряжусь, чтобы вам позволили написать письмо маме.

– Она мертва! – словно гавкнул Хоффишер. Я невольно встал, готовясь выйти из палаты в любой момент.

– Что же меня обманываете, доктор? – Хоффишер медленно поднимался, – она приходила ко мне. Сказала, что все умрут на девятый день, потому что он придет.

Я видел, как Хоффишер выпрямился. Как будто зверь, долго сидевший в клетке и получивший свободу.

– И я понесу слово его.

– Кого? – спросил я, сделав непринужденный шаг назад и

незаметно опустив руку в карман со свистком.

– Бойтесь? – в глазах безумного сегодня безумства стало еще больше, но было что-то еще.

Он словно чувствовал превосходство надо мной. Он всегда признавал мой авторитет, но только не сегодня. Он выпрямил спину до хруста. Мне даже показалось, что он стал выше.

– Так бойтесь не без причины, – после этих слов он зарычал и набросился на меня, как пантера на оленя.

Я успел свистнуть в свисток. Но Хоффишер повалил меня. Мне показалось, что сегодня он был сильнее, чем обычно. Но теперь он не душил меня. Он вгрызся зубами мне в шею, и я моментально почувствовал резкую боль и тепло от разливающейся крови. Санитары забежали и стали оттаскивать его, причиняя мне еще больше вреда и боли. Я кричал, не сумев более терпеть.

Санитары стали бить Хоффишера ногами, и тот отпустил меня, бросившись на одного из них. Мы с другим санитаром едва оттащили его и сумели усмирить, зафиксировав руки за спиной. Матис принес морфий, я вколол ему дозу. Сумасшедший заснул. Ему надели смирительную рубашку и привязали к кровати.

К счастью, моя рана оказалась не слишком серьезной.

– Доктор, не подходите вы к нему, – сказал Матис, когда обрабатывал мне шею, – в нем есть что-то... от Дьявола.

Я усмехнулся. Никогда не верил и верить не собираюсь ни

в Дьявола, ни в Бога.

– Как удобно списывать все на Дьявола, – заметил я. Матис покачал головой.

– Погубит он вас, доктор, – сказал он и ушел.

А я остался в кабинете, пытаюсь понять причину очередного буйства Хоффишера и его кардинальных перемен. Кстати, подробные записи помогают мне. Буду продолжать их вести, пока есть возможность.

Письмо отца Флеккера (продолжение)

Мое выступление было долгим. Священники порядком устали после моего чтения записей доктора от третьего сентября, а потому я предложил им передохнуть и подкрепиться. Силы требовались и мне. Они согласились, но вот беда, после обеда один из них сослался на плохое самочувствие и ушел. А двое и вовсе ушли без объяснений. Остался только отец Грегори. Печально, что даже божьи люди наделены столь рациональным умом, что не готовы поверить в то, что по сути ведет их по жизни. Не могут поверить в самую суть своей веры. Это огорчает меня, так как теперь мне понятно, почему доктор Филдс был так далек от Бога и упрямо не верил во все, что происходило вокруг эти девять дней.

Но я рад, что отец Грегори вернулся. Он посмотрел на пустой стул и горько хмыкнул, а потом просил продолжать.

Записи доктора Ричарда Филдса

3 сентября

Весь день наблюдал за Хоффишером. От его буйства не осталось и следа. Он снова стал спокойным, даже немного вялым. Просил книжку или хотя бы лист и карандаш. Говорит, ему пришло откровение. Я пообещал подумать. В этот раз он не стал просить прощения за нападение и даже не сокрушался, как в прошлый раз. Это навело меня на мысль, что улучшений в его состоянии не будет.

По пути домой заглянул к мадам Леванш. Она выглядела уставшей, но попросила о визите мужа. Стало быть, скучает. Это хорошо, в ее случае прогресс. Хоть какие-то эмоции.

Миссис Олдриж опять плакала. Я спросил, не желает ли она прогуляться, она только сказала, что нет. Больше ничего. Ни одного слова. Поэтому я решил уйти домой раньше. Завтра придется принять нового пациента, сегодня встречу отменил из-за нападения Хоффишера.

Записи доктора Ричарда Филдса

4 сентября

Написал в порт, дабы уточнить не прибыл ли доктор Миррер в Картрайн-Хилл. Ответа пока не получил. Навестил мисс Мари. Приступов не было. Но она была какой-то подавленной, даже обиженной. Говорила со мной не хотя, в глаза не смотрела. Наедине оставаться не желала и даже не спрашивалась о моем здоровье. Заметив повязку на шее, лишь спросила, не серьезно ли я пострадал. А вот ее брат, напротив, как назло был слишком разговорчив. Выспрашивал у меня детали нападения и все время охал и качал головой.

Не знаю, что случилось с прекрасной мисс Мари, но я решил, что не останусь сегодня на чай. По ее лицу я понимал, что говорить со мной она не желает. И мне показалось, что лишняя минута в компании со мной ей в тягость.

Я не стал ничего спрашивать, скорее всего, это из-за того, что мне пришлось применить физическую силу прошлой ночью. Я попрощался с ее братом, кивнул ей, решив, что не стоит целовать руку, но она будто машинально протянула мне ее. Я, взяв лишь за кончики ее изящных тонких пальчиков, поспешно поцеловал руку, едва прикасаясь к ней губами, и ушел.

Мысли о мисс Мари мучали меня, поэтому я решил, что будет лучше отвлечься работой. Первым делом зашел

к Хоффишеру. Он снова говорил с кем-то невидимым, или молился, я не понял. Мадам Леванш попросила о выписке. Я сомневался, но ее супруг уверил, что видит в жене прогресс, – как он любит это слово – и готов за нее поручиться. Что ж, сегодня на одного пациента стало меньше. Хотя о чем это я? Стоило мне выписать мадам Леванш и пожелать ей всего лучшего, как в кабинет фурией влетела женщина, притащив за собой малыша лет десяти. Она держала его за руку, но он болтался на ней как тряпичная кукла, не поспевая за матерью, как я предположил.

– Доктор Филдс, это неприемлемо! – услышал я вместо приветствия.

Женщина лет сорока с красным от злости лицом тяжело дышала, видимо, из-за того, что чувство гнева и негодования заставляло ее вбежать ко мне в кабинет.

– Вчера нам сказали, что вам нездоровится! Сегодня велели ждать! – возмутилась она и топнула ногой так сильно, что плахи скрипнули.

Я попросил ее успокоиться, сесть и рассказать о своих проблемах. Женщина еще сопела, как закипающий чайник, но все же села, оставив малыша с опущенной головой стоять. Как выяснилось, она считает, что ее сын страдает серьезными психическими отклонениями. На мои вопросы, в чем это проявляется, она отвечала туманно и неточно. То он, вроде, проявляет агрессию, то апатичен. Иногда мальчик не спит по несколько суток и не ест, а потом ест все, даже то, что не нуж-

но. Мальчик же выглядел вполне нормальным, если не считать травмы, которые нанесла ему мать, рассказывая о нем, как о чем-то уродливом и ненужном. Боюсь даже представить, что происходит дома вне посторонних глаз. На мгновение я подумал положить мальчонку под наблюдение. Но не потому что посчитал его действительно больным, а потому что мне казалось, здесь ему будет спокойней. Но не имея оснований, я не могу держать здорового, пусть и затравленного собственными родителями, ребенка взаперти.

Когда женщина прекратила во всех красках рассказывать о странностях своего сына, я окончательно убедился в намерениях пока неизвестной для меня миссис избавиться от сына.

– Прошу меня простить, но я не вижу в вашем сыне ничего, что говорило бы о его расстройствах, – сказал я, когда осмотрел малыша и попытался с ним поговорить, но тот не вымолвил ни слова.

Его мать, конечно, отнесла это к очередным проявлениям безумия. Тогда я набрался сил и, как мог, строго сказал, что мальчик здоров и лечить я его не буду.

Она похлопала глазами, пооткрывала несколько раз рот, намереваясь возразить, но в итоге сдалась и, грубо схватив мальчика за руку, потянула его к двери.

– Если мы с мужем не переживем эту ночь, то это ваша вина, – громко сказала она уже в дверях, – доктор.

Последнее слово она произнесла с пренебрежением, на-

мекнув на мою некомпетентность. Вот ее я бы полечил.

Из-за дождя пришлось задержаться в больнице. Не хотелось выходить и мокнуть. Записывать свои мысли и рассуждения оказалось действительно полезно. Прихожу домой, перечитываю, выделяю главное и переписываю в карточку больного. Но начальный вариант жалко выбрасывать, хотя здесь много лишнего и слишком личного. Пожалуй, позже все же сожгу, чтобы никто не увидел.

К восьми вечера был дома. Меня встретил Роберт Хьюс. Не очень приятный сюрприз, но я сделал бесстрастный вид и поздоровался, кивнув головой. Лицо его было угрюмым и загадочным, но я ясно прочел в его выражении негодование.

– Мистер Хьюс? – сказал я, подойдя ближе.

– Какого черта, Рич?! – он схватил меня за грудки и придал к стене.

Глаза его сверкали огнем ярости. Я спокойно попросил его объяснить причину столь странного приветствия, а также пояснить, в чем конкретно я провинился перед ним. Сжирая меня своим яростным взглядом, через несколько секунд мистер Хьюс отпустил меня и даже немного остыл. Он рассказал мне интересный факт. Как выяснилось, причиной недружелюбного поведения мисс Мари по отношению ко мне в мой последний визит в их особняк было не то, что мне пришлось ударить ее, чтобы вернуть в сознание, а то, что, – как она рассказала брату – ночью я пробрался к ней в покои и всячески соблазнял, даже поцеловал ее прямо в губы. Мое

удивление и состояние некоторого шока, видимо, посеяло зерно сомнений и в сознании Роберта. Он как-то виновато посмотрел на меня, но добавил, весьма неуверенно кстати, что подобное терпеть не намерен.

– Мистер Хьюс, не хотите ли вы сказать, что, по вашему убеждению, для меня ничего не значат рамки элементарного приличия? Неужели вы считаете, что я настолько неуважительно могу отнестись к женщине, в которую был влюблен?

После этих моих слов Роберт Хьюс потупил взгляд и неуверенно пожал плечами. Я не оскорбился его выводами и поведением. У нас с мистером Хьюсом когда-то были весьма теплые дружеские отношения, но они значительно испортились после того, как я попросил руки его сестры, которую любил больше жизни. Этот факт ему был хорошо известен, но он посчитал его не таким значительным, как положение будущего жениха его сестры в обществе. На тот момент я еще не имел должности главного врача дома скорби.

– Ты должен понимать, Рич, – сказал он мне в тот день, – что может дать ей простой практикант? Она будет жить в нищете. Если ты ее любишь, то должен желать ей более выгодной партии.

Эти его слова я вспомнил и сейчас, глядя на то, как он переминается с ноги на ногу.

– Но... Мари сказала, что именно это спровоцировало у нее приступ тогда.

Я поднял бровь. Роберт тяжело и обреченно вздохнул.

– Вы же сами прибежали ко мне, – сказал я, – я был дома, как, вы предполагаете, я мог так быстро добраться?

Роберт опять вздохнул.

– У нее галлюцинации, да? – спросил он тихим голосом. И это я принял как извинения.

– Судя по всему, – ответил я, задумавшись, почему морской воздух и путешествие не просто не помогли, а лишь усугубили болезнь мисс Мари.

Я пообещал Роберту, что завтра зайду к ней и поговорю. Он просил сделать это как можно осторожней, чтобы она не нервничала. Я лишь кивнул. Уходя, Роберт хотел мне что-то сказать, но не решился. Я понял, он хотел извиниться, но гордость и наши холодные отношения не позволили. Весь вечер я думал о бедной Мари, и чувства к ней, что, как я уверял себя, угасли, с новой силой вспыхнули в моей душе. Впрочем, это ненужная информация.

Письмо отца Флеккера (продолжение)

О, как тяжело мне было читать записи доктора от четвертого сентября. Он всегда казался мне сухим и местами бессердечным. Но эти редкие строки о вас, о вашей любви... Я едва сдерживал слезы. Отец Грегори тоже растрогался. Я видел, как грустно он улыбался. Я выдержал паузу, чтобы дать ему возможность задать вопросы. Он лишь спросил, почему став доктором, Ричард не просил вашей руки вновь. Я сказал, что не могу знать ответ на этот вопрос и справился, могу ли я прочитать записи от пятого сентября. Он кивнул и сел поудобней.

Записи доктора Ричарда Филдса

5 сентября

Проспал сегодня долго, так как всю ночь не мог уснуть, думая о Мари. Галлюцинации – явный признак ухудшения. К тому же она не смогла отличить их от реальности даже спустя время. Миссис Адлер шумела на кухне. Она пришла сегодня прибираться, как обычно по субботам. Я спустился вниз и поприветствовал ее, она сказала, что утром пришла записка. Это был ответ из порта. Там говорилось, что профессор Миррер таки прибыл к нам тем рейсом и сейчас находится в гостинице «Блю Бирд». Там же было написано, что сегодня он читает свою первую лекцию о гипнозе. Я решил навестить его, а потом отправиться с визитом к мисс Мари. Через пару часов я сидел на скамье, заслушиваясь теориями и гипотезами, которые пытались доказать, – а иногда им удавалось – Шарко и Фрейд. Конечно, я не разделял мнение Фрейда и не видел связи истерии с сексуальными потребностями женщин, но теория Шарко мне нравилась. Хоть и не сильно отличалась от взглядов своего ученика.

Профессор Миррер же считал, что все, что мы можем объяснить – это нечто сознательное. Имея ввиду все, что мы можем контролировать и чем мы можем управлять. Все остальное – подсознательное. То, о чем мы можем не подозревать, и что может руководить нами и управлять. Подсознание –

самое опасное проявление человеческого мозга, говорил он. А гипноз может проникать в подсознание, корректировать и даже управлять им. Лекция длилась почти два часа, но я не устал. Слушать профессора Миррера одно удовольствие. Он каждый раз делится новыми, до этого дня неизвестными, предположениями, заставляя тебя задуматься над их разгадкой на весь день. Мне кажется, он вполне мог бы стать писателем.

После занятий мне удалось подловить его у выхода.

– Профессор Миррер! – воскликнул я. Он обернулся и прищурился, не сумев разглядеть меня. Зрение его сильно подводило. Нацепив очки, он расплылся в улыбке.

– Мой милый Ричард! – радостно воскликнул он и распростер руки навстречу.

– И что же тебе понадобилось на моей лекции? Я не сказал ничего из того, что тебе неизвестно.

– О, мне всегда приятно слушать вас, профессор, – сказал я после его крепких объятий, – но не это основная причина моего визита.

Я замолчал, Миррер хитро прищурился и кивнул.

– Есть пациентка. У нее истерия, но в сложной форме. А теперь она галлюцинирует. Мне очень неловко, но я хотел бы просить вас навестить ее вместе со мной.

– В доме скорби?

– О, нет! Она не госпитализирована.

Миррер задумался, но через час мы уже были в доме Хью-

сов. Профессор сразу узнал Мари, как и она его. Она была очень любезна. Несколько раз поблагодарила его за то, что он помог ей на корабле и предложила чаю. На меня же она снова не смотрела. Но я видел, что делала она это намеренно, но уже не с недовольством, а со смущением или даже стыдом. Пока мы пили чай она спросила, как моя рана на шее, поинтересовалась Хоффишем, но все время краснела и не смотрела мне в глаза. С профессором же, напротив, ей было легко. Она расспрашивала его о путешествиях, студентах, о гипнозе и о многом другом. Я казался лишним в этой компании.

– Мисс Мари, я привел профессора для того, чтобы он помог мне определить более точный диагноз, – вмешался я, когда Мари начала с любопытством подобным ребенку, расспрашивать профессора о его студенческих годах. Профессор удивленно посмотрел на меня, видимо возмущенный моей бестактностью. Но мне надоело сидеть и поглядывать на часы, слушая через фразу эту милую беседу.

– О, я... очень благодарна, – запнулась мисс Мари, – Роберт рассказал мне. Мне так стыдно, что я...

– Не нужно, вы здесь не при чем, – отрезал я.

Я пояснил, что отличить галлюцинации от реальности бывает сложно, особенно в ее случае, а потому попросил мисс Мари забыть о недоразумении. Вернее, я предложил ей забыть о последствиях, но ни в коем случае не забывать о самих галлюцинациях. Она должна научиться отличать явь от

игр мозга. Она печально улыбнулась и впервые за долгое время посмотрела мне в глаза. Ах, ее зеленые глаза! Такая прекрасная редкость.

Профессор задавал ей стандартные вопросы. Я наблюдал со стороны, стараясь сделать вид, что меня нет. Я следил за реакцией мисс Хьюс и записывал ее в блокнот. Позже приложу записи к ее истории болезни.

Она отвечала охотно, будто сама хотела поскорее во всем разобраться. Профессору удалось расположить ее к себе настолько, что она не постеснялась поведать и о своих галлюцинациях со мной, которые стали причиной очередного приступа истерии. Мисс Мари сказала, что собиралась спать, как в окно постучали. Она открыла его и заметила меня. Я даже подарил ей розу, которую, как оказалась, она искала утром, но так и не нашла. Я был любезен и даже немного раскрепощен. Говорил ей приятные слова, которые только желает услышать женщина от мужчины, которого... Тут она замолчала, видимо, вспомнив о моем присутствии. Она прокашлялась и сказала, что я поцеловал ее в губы по-настоящему страстно и ушел, попросив ждать визита вновь.

– В котором часу это произошло? – спросил профессор. Мисс Мари задумчиво помолчала.

– В половину десятого, полагаю. Но во время... галлюцинаций на часах было ровно три ночи.

Профессор задумчиво промычал.

– В котором часу вы, мой дорогой друг Ричард, прибыли

в поместье, чтобы оказать помощь бедной мисс? – он обратился ко мне, развернув свое полное тело вполоборота.

– Не помню, мне казалось, не было и девяти, – подумал я, – надо уточнить у мистера Хьюса.

Дождавшись возвращения инспектора Хьюса, нам удалось выяснить, что припадок мисс Мари начался около восьми вечера. Профессор недоумевал, почему мисс Мари путается во времени и предположил самый печальный исход.

– Боюсь, мой друг, – сказал он и закурил трубку, как только мы покинули дом Хьюсов, – это не истерия. Вероятнее всего – шизофрения в ранней, очень ранней стадии.

Мы расстались с профессором около семи вечера. Он пообещал что-нибудь придумать и подбодрил меня, заявив, что шизофрения – не приговор. Я сделал вид, что испытываю к мисс Мари лишь профессиональный интерес. Но, кажется, профессор не поверил. Он как-то странно посмотрел на меня, а потом ухмыльнулся хитро.

Чтобы отвлечься от мыслей, что я лечил мисс Мари совсем не от того, от чего следовало, я решил навестить Хоффишера.

Когда я вошел, он сидел на полу. Ноги вытянуты, руки на бедрах. Взгляд его был отрешенным, но когда он увидел меня, то тут же оживился, но не встал.

– Доктор Филдс! Я так давно вас не видел, что решил, что вы оставите меня после того случая.

Он хлопнул в ладоши и сложил их домиком перед лицом,

будто собирался молиться.

– Простите меня, доктор. Я не хотел причинить вам боль.

Он заставил меня.

– Кто?

– Он.

Я пожал плечами, дав понять, что не имею представления о ком речь.

– Он сказал, что скоро придет, и я понесу его слово, и все увидят и уверуют, а те, кто не верует, будут биться головой о пол до крови, пока не уверуют. И вас, доктор, он не любит, потому что вы не веруете.

– О ком речь, Брайан? – я на всякий случай, сделал шаг назад, потому что Хоффишер поднялся на ноги. Заметив мою реакцию, он выставил руки вперед.

– Я не стану вас обижать, только не вас. Вы так добры ко мне.

Хоффишер медленно подходил ко мне, держа руки на виду. Я опасался, но старался не подавать виду. Говорят, если зверь учует страх, то он обязательно набросится.

– О ком ты говоришь, Брайан? – повторил я свой вопрос более громким голосом и приказным тоном.

Он слегка махнул мне рукой, подзывая. Я понял, он хочет сообщить мне что-то на ухо. Это, конечно, чревато последствиями для меня, даже смертью, если он вопьется на этот раз в артерию, от которой в прошлый раз оказался на расстоянии в пару миллиметров. Но я кивнул, дав ему согласие.

Однако сначала я вынул из кармана халата свисток и продемонстрировав его, засунул сразу в рот, чтобы свистнуть мгновенно. Хоффишер согласно кивнул и довольно быстро подошел ко мне. Он сильно сжал мои плечи и приблизился губами к уху так, что я чувствовал его дыхание.

– Мессия, – прошипел он, как будто боялся, что кто-то его услышит.

– Мессия? – переспросил я громко, выпустив свисток.

– Нет! Нет! Нет! – Хоффишер схватил себя за волосы и стал вырывать клоки. Он то отбегал от меня, то подбегал, словно натываясь на невидимую стену и не решаясь что-то сделать.

– Нет! Нет! Я не стану трогать его! Уходи! – Хоффишер ударил наотмашь невидимого врага.

– Доктор, и вы уйдите! Уйдите! Отче наш, Иже еси на Небесех... – Хоффишер свалился на колени, сложил руки в замок у рта и стал громко читать молитву, повторяя ее снова и снова. Я решил оставить его. Уходя, распорядился, чтобы Хоффишеру поставили снотворное и привязали на время.

Мисс Олдриж выглядела замученной и изможденной. Сегодня она узнала меня.

– Вы верите в чудо, доктор? – спросила она, когда я сел рядом.

– Не совсем, – ответил я. Надо быть предельно честным со своими пациентами, тогда они будут честны со мной. По крайней мере, так считаю я.

– Я тоже.

Она вздохнула и поправила седые не по возрасту волосы.

– Миссис Олдриж, что случилось той ночью? – спросил я. Сегодня она впервые выглядела собой. Даже казалась разумной. Она не называла меня сыном и смотрела ясными и чистыми глазами.

– Мой мальчик умер.

– Как?

Она посмотрела на меня и разрыдалась. Я задал глупый и жестокий вопрос. И без того убитая горем женщина не хочет возвращаться в ту страшную ночь даже в воспоминаниях.

– Почему вы спросили про чудо? – я решил сменить тему. Это помогло. Она вытерла рукавом слезы и посмотрела на меня.

– Я думаю... думала, что смогу попасть в Рай после того, что сделала. Но, кажется, только теперь понимаю, что его не существует.

Она снова заплакала и уткнулась лицом мне в грудь. Я погладил ее по голове.

– А что вы сделали?

Миссис Олдриж всхлипнула и подняла на меня глаза. Мутные, затуманенные.

– Я расскажу тебе сказку. Хочешь, Джон?

– Да, да, мама, давай.

Я решил, что пора исполнить обещание. Я столько раз говорил миссис Олдриж, что приду послушать ее сказки зав-

тра, что пришло время отдавать долг. К тому же, мне почему-то захотелось ее порадовать. Позволить ей побыть счастливой. Она захлопала в ладоши, обняла меня, как маленького мальчика и начала рассказывать сказку, придумывая ее на ходу.

По дороге домой я встретил женщину с ребенком. Она приводила его ко мне ранее и настаивала на госпитализации. Я окрикнул ее, чтобы спросить, зачем она снова приводила сына, но она не отреагировала. Скорее всего, притворилась, что не слышит.

Письмо отца Флеккера (продолжение)

Когда я прочел записи доктора от пятого сентября, в глазах отца Грегори появился странный огонек. Он стал что-то понимать. Вернее, он начал догадываться, зачем я прибыл из далека, чтобы просить помощи.

Я выдержал паузу, но вопросов не было. Потом я зачитал записи от шестого сентября.

Записи доктора Ричарда Филдса

6 сентября

Снова просыпаюсь с головной болью. То ли мысли о мисс Мари, то ли выдуманные сказки миссис Олдридж доводят меня. Я выпил чаю и отправился на работу. Там я встретил мистера Хьюса. Он ждал меня с мальчиком, которого недавно приводила истеричная мать. Мальчик сидел на стуле и ковырял пальцами манжеты своего жакета.

– Инспектор? Чем обязан? – спросил я и указал рукой на дверь своего кабинета. Мистер Хьюс приказал констеблю следить за ребенком, а сам проследовал за мной.

– Рич, я был бы тебе премного благодарен, если бы ты взял этого мальчика к себе на время.

Я поднял бровь.

– Прости?

– Его родителей жестоко убили сегодня. Зарезали, как скот. Он один выжил, мы нашли его на кровати. Он лежал, обняв труп матери.

Эта новость меня встревожила. Я сразу вспомнил, что буквально на днях женщина приводила сына, да и вчера они тоже были здесь.

– Его мать приводила мальчика ко мне, – сказал я и указал инспектору рукой на пустой стул, на который обычно садятся пациенты, – говорила, что с ним не все в порядке. Но,

осмотрев ребенка, я пришел к выводу, что он вполне здоров.

Мистер Хьюс нахмурился и сморщил лоб. Он всегда так делает, когда его что-то озадачивает.

– Намекаете, что мальчик мог?

Сама по себе мысль о том, что десятилетний ребенок мог так жестоко расправиться со своими родителями была омерзительна, поэтому я отрицательно покачал головой и добавил, что у ребенка не хватило бы физических сил. Я предположил, что раз убили всех кроме мальчика, то убийца либо сам родитель, либо любит детей настолько, что у него не поднялась рука убить малыша, даже несмотря на то, что он, возможно, единственный свидетель, который может его опознать.

– Думаете, убийца связан с мальчиком? – протянул задумчиво инспектор.

– Не обязательно, конечно. Но что, если они были не его биологическими родителями? Может, малыша отняли у кого-то, и этот кто-то нашел его и решил отомстить?

Инспектор Хьюс стал еще более мрачным и задумчивым. Я сказал, что с удовольствием приму мальчика и понаблюдаю за ним так, чтобы он этого не понял. Инспектор поблагодарил меня, откланялся и собирался уйти, но потом прямо у двери остановился.

– Рич, Мари... – неуверенно начал он, – сегодня ночью у нее был приступ. Но не волнуйся, все быстро закончилось, – добавил он, видимо, заметив, как я изменился в лице.

– В котором часу это было?

– Около трех ночи. Я попросил Аннет, служанку, подежурить в ее комнате. Мари была крайне возмущена, но не особо спорила. Она так боится, что любой приступ может стать последним.

Инспектор погрузился. Я убедил его, что все будет хорошо и пообещал зайти к мисс Мари к вечеру. Эта новость его обрадовала, он даже выпрямился и как будто забыл об ужасном убийстве.

Я проводил мальчика в палату. Он не говорил, только кивал или отрицательно качал головой. Из этого нашего полунемого разговора я понял, что он спал, когда убили его родителей. Нашел он их утром. Трупы увидела горничная и поспешила в полицию. Мальчик не видел преступника и ночью ничего не слышал. Я распорядился дать ему чего-нибудь сладкого и успокоительного, хотя выглядел он вполне спокойно.

Это был обычный мальчик, как и все в его возрасте. Разве что бледнее и застенчивее. Но я сделал вывод из короткого разговора с его матерью, что семья эта весьма трудная. Мать мальчика не просто недолюбливала, а будто ненавидела и видела в нем отражение чего-то ужасного. Неудивительно, что мальчик закомплексован и не уверен в себе.

Я пообещал ему, что принесу завтра книжку. Не забыть бы спросить какую-нибудь сказку у мисс Мари. Она любит фольклоры разных народов, поэтому у нее точно найдется

что-то интересное. Когда я уходил, мальчик, казалось, слегка повеселел. То ли мое присутствие его утомило, то ли он просто рад уединению.

К вечеру я решил сделать обход. Мистер Хоффишер молился. На мои попытки поговорить, он никак не реагировал. Молился, как будто меня здесь и вовсе не было. А вот миссис Олдридж снова меня порадовала. Когда я зашел, она горько плакала, но глаза ее были ясными, и она меня узнала. Женщина снова была похожа на вполне вменяемую мать, потерявшую и оплакивающую ребенка. Я немного поговорил с ней и мне удалось ее успокоить. Она все еще всхлипывала, но в целом стала более умиротворенной. Она снова завела разговор о чудесах, и я убедился, что рассудок ее все еще не восстановился, хотя говорила она четко и последовательно, мыслила логично, что практически не бывает у душевнобольных. Если бы не ее упоминание Дьявола, то я бы подумал о выписке.

– Доктор Филдс, как вы думаете, что ждет нас всех в Аду?

– Вы верите в Дьявола?

Она помолчала, но замахала головой.

– Я верю, что он существует, но не верю в него. Я верю в Бога. Но он... не верит в меня.

Я подумал, что будет неплохо позвать отца Флеккера. Вера и религия хоть и вызывает у меня раздражение, но таким людям, как миссис Олдридж вполне может помочь. Однажды у меня был пациент, он вернулся с войны и не сумел

вынести всего увиденного. Тогда я пригласил священника. Бывший солдат ударился в религию, выздоровел и отправился в паломничество. С тех пор о нем ничего неизвестно, надеюсь, что с ним все в порядке. Я к тому это, что иногда вера способна помочь найти путь, пусть даже вера в несуществующее.

Поэтому я предложил миссис Олдридж встретиться со священником. Она довольно радостно приняла это предложение и сказала, что будет с нетерпением ждать.

Около пяти вечера я был дома. Там меня ждал профессор Миррер. Его визит порадовал меня. Мне как раз нужен был совет кого-то более опытного, чем я по поводу лечения мисс Мари. Мне даже не пришлось заводить тему, потому что он вдруг, попивая остывший чай, – не знаю, почему он пил чай холодным – предложил передать лечение мисс Хьюс ему. Я сначала опешил и, конечно, попросил разъяснить мотивы. На что он сказал:

– Ваши чувства друг к другу, мистер Филдс, мешают вашей профессиональной оценке состояния бедной девочки.

При этом он громко отхлебывал чай, наслаждаясь им, будто чем-то необычный и изысканным.

– Чувства? – я попытался казаться невозмутимым, но профессор хитро улыбнулся.

– Может быть, я мало знаком с вами двумя, но я прожил достаточно долго и познал, что такое любовь, мой друг. А потому я не перестаю видеть во взгляде мисс Мари, направ-

ленном на вас, взгляд моей юной, но уже покойной жены, а в вашем взгляде, направленном на мисс Мари, видеть самого себя.

Он снова улыбнулся и посмотрел на меня, слегка наклонив голову. Я помолчал с полминуты, размышляя о его словах и пришел к выводу, что он прав. Я не хочу верить, что у мисс Мари развивается шизофрения не потому что сомневаюсь в этом, а потому что не хочу, чтобы это было так. Будь она просто Мари Хьюс – обычная пациентка дома скорби или только его будущая пациентка, наверняка я бы распознал признаки шизофрении у нее на ранней стадии, потому что не был лицом заинтересованным.

– Пожалуй, вы правы.

Заклучил я и сделал глоток чая.

– Что случилось с вашей женой?

Профессор мечтательно прикрыл глаза и устремил взгляд на потолок.

– Я бы хотел думать, что она ушла в лучший мир и сейчас смотрит на меня и думает о том, каким убогим и толстым я стал.

Он засмеялся. Я тоже не сдержался.

– Мне жаль, профессор, – добавил я, когда профессор погрузился, а улыбка исчезла с его лица.

– Туберкулез, мой мальчик. Туберкулез – как чума от Всадника, губит, уничтожает и стирает. И вот их уже нет. Многих людей тогда унес этот Всадник.

– Вы верите в Бога? – удивился я. Профессор снова хитро улыбнулся.

– А разве можно иначе?

Я знал, этот вопрос ответа не требует. Поэтому лишь улыбнулся. Допив чай, мы отправились в дом Хьюсов.

Похоже, мои профессиональные записи уже давно превратились в некое подобие личного дневника. Это неплохо, хоть для меня и в новинку. Как-то я порекомендовал одной пациентке, склонной к депрессиям, записывать все, что с ней происходит. Со временем перечитывая дневник, она понимала незначительность некоторых ситуаций, которые в то время, когда она их описывала, представлялись ей смыслом всей жизни. Спустя время она не могла представить, что из-за такой ерунды еще недавно ревела, словно жизнь ее сломана или вовсе окончена.

Не то чтобы я преследовал какую-то подобную цель, но, возможно, эти записи помогут более объективно оценить положение дел.

На часах половина третьего ночи. Спать не хочу, читать не могу, поэтому пишу. Вечер в доме Хьюсов начался с расспросов инспектора о мальчике, которого он привел ко мне утром. Я заверил его, что с ребенком все в порядке, а он попросил меня поговорить с ним о родителях. Так же он сообщил, что недавно из его семьи сбежала гувернантка. Она просто ушла и не вернулась в этот дом, даже когда семья предложила ей большее жалование. Почему она так посту-

пила, говорить не стала. Мне стало интересно, но профессор убедил нас сменить тему, потому что дама явно заскучала. Мари же вежливо отрицала сей факт.

– Мисс Мари, я должен сообщить вам, что впредь вашим лечением будет заниматься профессор Миррер, – сказал я суровее, чем собирался. Мари выпрямилась и округлила глаза.

– Почему? – первым спросил Роберт. В голосе его я уловил нотку возмущения.

– Так будет лучше, профессор более компетентен в этом вопросе, – ответил я сухо.

– Но... профессор, я нисколько не сомневаюсь в вашем профессионализме, но при всем уважении, я не могу доверять никому так, как доктору Филдсу.

– Разве? – вырвалось у меня. Она напряглась, как струна. – Разве вы мне доверяете?

– Могу я украсть ваше внимание на пару минут, инспектор? – профессор деликатно увел Роберта в другую комнату.

Когда за ними закрылась дверь, Мари будто сбросила с себя маску. Сейчас она снова стала той Мари, которую я знал когда-то.

– Ты сомневаешься? – она вскочила на ноги, – после того, как я была готова уехать с тобой на край света, скитаться всю жизнь, снимая комнаты с клопами! А ты просто не пришел! Теперь ты будешь говорить, что сомневаешься в моем доверии?! Ты не имеешь на это право! – она громко топну-

ла ножкой, это вызвало у меня улыбку. Сейчас я снова мог видеть ту живую Мари, без притворства, пренебрегающую рамками этикета.

– Ты смеешься надо мной? – возмутилась она, заметив мою улыбку, ставшую еще шире после того, как я заметил ее покрасневшие щеки и нос.

– Если бы я пришел, моя милая Мари, то сегодня вы ненавидели бы меня так же сильно, как мяту, особенно в чае. Мы бы жили, едва сводя концы с концами, и смотрели на наше дитя, пожирающего конфеты у витрин, но только глазами.

Мне показалось, она смахнула слезинку. Потом она вздернула подбородок, видимо, прекрасно понимая, что я прав, и села на прежнее место.

– Это гнилое общество, – вдруг сказала она, – где статус, богатство и родословная куда важнее любви. И мне жаль, что эта гниль проела и вас, Ричард.

От ее слов мне стало немного обидно, но больше горько. Я усмехнулся.

– Как говорят в Америке, иду в ногу со временем, – улыбнулся я.

– Кажется, я вас совсем не знаю, – покачала она головой, – или не узнаю теперь...

– Что стало причиной вашего приступа ночью? – я решил сменить тему, сделав непринужденный вид.

Она посмотрела на меня взглядом полным разочарования.

– Твои губы могут говорить, что угодно, но глаза всегда говорят одно и то же. И я знаю, если бы не Роберт, мы были бы счастливы. Только я никак не пойму, почему мы не можем быть такими сейчас.

Мне хотелось ответить, но я не знал как. С того дня, когда, подойдя к пристани, я смотрел издалека, как мисс Мари стоит с чемоданом, оглядывая все вокруг в ожидании меня, прошло четыре года. Но я помню, как было мучительно больно просто стоять и ждать, когда корабль отплывет без нас. Я все еще помню слова ее брата, которые я ненавидел, но признавал. Спустя два года она обратилась ко мне с приступами. Тогда я даже думал, что их причиной мог стать наш разрыв, но позже убедился, что мисс Мари пережила тот период, не держит зла и, скорее всего, рада, что не совершила ошибку. Наверное, поэтому я не решился впредь докучать ей чувствами и беречь бывшие раны. А может, мы просто оба умело играли свои роли.

– Приснился кошмар или это было что-то наяву? Который был час? – бесстрастно снаружи, но едва сдерживая слезы внутри, продолжал расспрашивать я.

Мари с минуту молча смотрела на меня, видимо, выжидая, когда я сдамся. Но плюс работы психиатра заключается в том, что мы можем выдерживать подобное психическое насилие. Я смотрел на нее, не смея отвести взгляд, она тоже смотрела на меня.

– Мой врач теперь профессор Миррер? Вот ему я и отвечу

на эти вопросы, – гордо сказала она, а я улыбнулся, чтобы скрыть раздражение и обиду.

– Что ж, воля ваша, мисс Хьюс, – сказал я.

Я встал, слегка склонил голову, прощаясь, и ушел, попросив передать профессору, что я извиняюсь, и у меня возникли неотложные дела. Мисс Мари натянула дежурную улыбку и кивнула. Мы снова вжились в свои роли.

Письмо отца Флеккера (продолжение)

О, моя милая мисс Мари, читать записи от вечера 6 сентября мне было больно до слез. Что ж, я их и не сдерживал. Если бы мы только могли знать, что нам отпущено так мало времени с любимыми, разве мы тратили бы его на перепалки и обиды? Уверен, что нет. Отец Грегори тоже прослезился. Я видел это, хоть он и скрывал. О, моя мисс Мари, не перечитывайте эти записи более одного раза, они ранят ваше сердце, как и мое.

Отец Грегори уточнил, что в итоге вы ответили на те вопросы, что задал вам доктор Филдс. Я же попросил его набраться терпения и позволить дочитать все записи до конца, учитывая, что их осталось совсем мало. Он согласно кивнул.

Я зачитал записи от седьмого сентября. Все они есть у вас. Может быть я уже писал об этом. Если так, то простите мне мою плохую память.

Записи доктора Ричарда Филдса

7 сентября

Утро огорчило меня плохой погодой. Проливной дождь омрачал мое и без того плохое настроение. Меня беспокоила не столько погода, конечно, сколько слегка испорченные отношения с мисс Мари. Впрочем, профессор Миррер всегда умел поднять настроение и в этот раз не подвел. Едва я спустился, как он встретил меня в гостиной. Он уже сидел с чашкой чая. Заметив меня, он встал с дивана и улыбнулся. Миссис Адлер сделала чай и мне. Профессор рассказал, что мисс Мари сказала, что ей приснился сон, в котором снова был я. Я просто говорил с ней, а потом, уходя, умолял ждать снова. На счет времени, ее ответ вновь не соответствовал действительности. Мистер Хьюс уверял, что было около трех ночи, а вот сама мисс Мари говорит, что едва доходило до десяти. При этом Аннет, дежурившая в комнате Мари, согласна с мистером Хьюсом.

– Не знаю, что конкретно вы сказали, Ричард, но своим поведением вы заставили мисс Мари расстроиться, – вдруг сказал профессор, – она то и дело повторяла, что сказала вам лишнего.

Я не посчитал нужным вдаваться в подробности. Ответил, что мисс Мари слишком ранимая и мягкая, поэтому все принимает близко к сердцу.

Профессор, в меру своего воспитания, решил не вмешиваться в личную жизнь посторонних, поэтому заговорил о новостях из мира психиатрии.

– Знали ли вы, доктор, что есть специальные маятники, способные облегчить гипноз?

Я отрицательно покачал головой.

– Посторонние предметы важны в этом плане. Важно настроить пациента и сосредоточить его на чем-то одном. Не думаю, что есть какие-то волшебные маятники. Можно использовать хоть карандаш.

Мое мнение вызвало у профессора улыбку.

– Мой друг, вы как всегда думаете глубоко, – на мгновение мне показалось, что новость о маятнике была рассказана специально, чтобы проверить мою реакцию. Хотя, уверен, что мне не показалось.

– Простите, мистер Филдс, – в разговор неловко вмешалась миссис Адлер, которая то и дело всплывала в гостиной и исчезала.

Мне даже показалось, что она подслушивает, что для нее несвойственно. Но, по всей видимости, у нее срочное дело, а она просто боялась показаться невоспитанной, вмешиваясь в наш разговор.

К слову, она была права. Я невольно сделал недовольное выражение лица, но взглядом дал понять, что слушаю ее. Иногда мне бывает стыдно за мою реакцию, но поделать с этим ничего не могу.

– Могу ли я уйти пораньше? Сегодня хоронят мадам Леванш, мне бы хотелось проститься. Я работала в их доме много лет.

Новость о смерти мадам Леванш застала меня врасплох. Я даже не заметил, как миссис Адлер раскраснелась, и руки ее затряслись от нервов.

– Мадам Леванш умерла? – переспросил я голосом, который сам не узнал.

– Да, сэр. Повесилась ночью. Говорят, за церковью.

– Вы знали ее?

Громкий голос профессора вернул меня в реальность. Я медленно кивнул, едва сумел выговорить, что она была моей пациенткой, извинился и поднялся наверх, чтобы собраться. Конечно, я отпустил миссис Адлер и попросил профессора поговорить с мисс Мари на счет гипноза. Время, потраченное на смену одежды, немного привело в меня в чувства. Но, тем не менее, профессор Миррер заявил, что не бросит друга в такой ситуации и отправился на похороны вместе со мной. Хотя я не был уверен, что там будут мне рады.

Эта запись будет большой. Сначала напишу о похоронах. Не знаю, стоит ли вообще обращать внимание на то, что я там узнал. Боюсь, мой здравый рассудок не может принимать все всерьез. Но начну по порядку.

Когда мы с профессором пришли на кладбище, то увидели толпу. Мадам Леванш была знатной дамой, она много помогала нищим и детям из рабочих домов, поэтому про-

ститься с ней пришел едва ли не весь город. Конечно, там же была мисс Мари, хотя я был удивлен увидеть ее. Не знал, что они были знакомы.

– Мы ходили в один приход, – ответила мисс Мари, когда я спросил ее тихо, чтобы не мешать отцу Флеккеру читать речь.

– Вы ходите в церковь? – спросил я теперь громче. Потому что был удивлен. Мисс Мари украдкой посмотрела на меня, а потом отвела взгляд.

– Конечно, как все нормальные люди, – сказала она и снова посмотрела на меня, улыбаясь. Я выдавил улыбку в ответ из вежливости.

– Вы в порядке? – поинтересовалась она и взяла меня под руку. Заметив это, профессор словно испарился.

– Да, просто... мне не нужно было ее выписывать, это моя вина, – сказал я.

Я действительно чувствовал ответственность за смерть мадам Леванш. Конечно, я понимал, что это был ее выбор, но я зря выписал ее. Иногда я не был уверен, что выбрал правильный путь. Человеческий разум, мысли, эмоции и чувства всегда влекли меня. В них есть нечто таинственное и необъяснимое, что хочется доказать и объяснить. Но имею ли я право быть врачом, если моя невнимательность к пациенту стоила жизни.

– Вы здесь не при чем, доктор, – мисс Мари сжала мою руку, и я почувствовал ее нежное тепло. Я снова скривился

в улыбке, не желая продолжать разговор.

– Ты слышишь меня? – Мари легонько дернула меня за локоть.

– Да, да, я... я слышу вас.

На этом мне пришлось изобразить улыбку получше, потому что мисс Мари не собиралась отступать и была намерена убедить меня в невиновности. А так как спорить я с ней больше не хотел, то лучше было согласиться.

Мы стояли и молча наблюдали за тем, как люди прощаются с мадам Леванш. Казалось, все цветы в городе сегодня были здесь.

После речи священника ее гроб занесли в фамильный склеп. Я дождался профессора и предложил ему пойти ко мне и отдохнуть, но в наш разговор вмешался отец Флеккер.

– Доктор Филдс, могу я отвлечь вас на минуту? – он улыбнулся, как бы извиняясь, глядя на профессора и мисс Мари. Профессор улыбнулся и кивнул, а потом направился к безутешному вдовцу. Мари направилась к брату.

– Чем могу помочь, святой отец? – спросил я, заметив нервное напряжение на лице священнослужителя.

– Этот малыш, ребенок Фримансов у вас? – спросил он шепотом, воровато озираясь.

– Да, у ребенка некоторые проблемы, но в целом он здоров.

– Это не ребенок, доктор, – отец Флеккер взял меня за локоть и отвел в сторону, подальше от кого-либо, кто мог

даже случайно услышать наш разговор.

– Ребекка Фриманс приводила малыша ко мне, я молился за очищение его души, но однажды он упал прямо на крыльце церкви. Он плакал, бил кулаками о плиты и просил мать не заводить его внутрь.

– Его мать была немного не в себе, – я не особо понимал, что пытается рассказать мне отец Флеккер.

– Она как раз была в себе. Около месяца назад ее муж мистер Фриманс запретил ей приводить сына в церковь и велел вести к вам. Но она сказала, что вы не приняли ее, потому что ее сын сумел повлиять на одного из пациентов.

– Простите? – я сложил руки на груди, предвидя итог сего рассказа.

– В этом мальчике поселилось зло, – отец Флеккер стал говорить совсем шепотом, что даже я едва мог его слышать.

– Ну, это слишком! – твердо и громко сказал я.

Даже профессор услышал. Это я понял, когда заметил, что после этих слов он посмотрел на меня, потом похлопал вдовца по плечу с сочувствующим взглядом и направился в нашу сторону.

– Не рассказывайте мне байки про демонов и прочую чушь! Это рассказы для глупцов, склонных списывать все свои неудачи на неисповедимые пути господни.

Отец хотел что-то сказать, но я не позволил.

– При всем уважении, святой отец, я не стану слушать и слова. Прошу простить, – я торопливо откланялся и напра-

вился в сторону профессора, который не решился вмешаться в разговор и просто стоял неподалеку, глядя на меня. В спину мне отец Флеккер крикнул, что мальчика нужно привести в церковь, я проигнорировал его.

Вернувшись домой, я обнаружил, что миссис Адлер еще нет, поэтому заваривать чай пришлось самостоятельно. По дороге профессор сказал, что должен готовиться к предстоящим лекциям и отправился в гостиницу. Я же принялся пить чай и читать утреннюю газету, на главной полосе которой была статья о самоубийстве мадам Леванш.

К вечеру я решил, что будет неплохо привести в порядок рабочие бумаги, поэтому отправился в клинику. Там меня ждал сюрприз. Санитар Матис был одет не в форму и собирал вещи в чемодан.

– Мистер Матис? – заторможено от неожиданности и удивления спросил я, медленно проходя в комнату отдыха персонала.

– Я больше не буду здесь работать, доктор! – санитар был возбужден и зол. Он яро скидывал вещи в чемодан и коробку, даже не глядя на меня.

– Но...

– И не пытайтесь меня отговорить! – крикнул он и повернулся ко мне, выставив указательный палец вперед, будто угрожая им.

– Я не буду, – я говорил спокойно и ровно, – но мне просто любопытно узнать, в чем же причина такого решения?

– Этот! Этот Хоффишер, с ним что-то не так, я говорю вам, доктор! – теперь и сам Матис был похож на Хоффишера.

Я сел на краешек стола, сделал серьезное выражение лица и, положив руки ладонями вверх, чтобы Матис видел, что я открыт к разговору, попросил его успокоиться и пояснить.

– Сегодня ночью я дежурил. Он закричал, я к нему. Смотрю – он молится. Я открыл дверь, говорю, чтобы успокоился. А он начал орать: «Он идет! Идет! Идет!». Я у него спрашиваю, кто? А он смеется. Я собирался уходить, а он мне сказал, что моя жена не от меня беременна. И говорит, мол, спроси у нее, когда ребенок был зачат и как. Я послал его куда подальше, но дома что-то мне в голову тямкнуло и я спросил.

Я заинтересованно промычал.

– В общем, уезжаю я из этого города. И вам, доктор, советую. Хороший вы человек, но эта дыра, эта черная яма погубит вас! – после этих слов, он взял свои вещи и направился к выходу.

– Нет у меня теперь ни работы, ни жены.

– Матис, – протянул я, – не стоит верить тому, что говорит Хоффишер...

– А я не верил ему, я жене поверил. Она мне сказала, что ребеночек наш был зачат в декабре, в конце. А меня не было тогда в городе. Она говорит, что я на два дня приезжал. А я не приезжал, меня тогда две недели не было, я на корабле

уходил на подработку. Вот такая история, доктор! А она... совести ей хватает. Смотрит на меня и талдычит, что со мной была, что приезжал я! За дурака меня держит! Все женщины нас за дураков держат, доктор. Не ведитесь на их чары.

И ушел. Я остался сидеть в кабинете, даже забыв, зачем пришел. Когда я пришел в себя от выступления Матиса, то нашел журнал с записями регистрации пациентов. Не знаю почему я стал искать в записях за август имя Ребекки Фриманс. Но я его действительно нашел. Она приводила сына третьего августа. Но визит был отменен из-за независящих от персонала обстоятельств. Видимо, из-за нападения Хоффишера.

Глупости. Набожная женщина уверовала в то, что ее бедный сын одержим, водила его в церковь, даже против его воли. Понятное дело, что все это она рассказывала священнику, своему духовному наставнику. Я отложил бумаги и решил, что будет лучше сделать обход и идти в кабинет, чтобы попытаться поспать. День был трудным, в первую очередь, эмоционально. Но ночевать сегодня придется тут, Матис ушел, а оставлять пациентов одних нельзя.

Хоффишер опять молился, но теперь это был не «Отче наш», а что-то другое. Язык мне был непонятен, или же он произносил слова так невнятно, что я не мог разобрать. Вспомнив, что я здесь один из здравомыслящих и мой верный помощник Матис ушел, я решил, что входить к нему в палату будет не очень разумно. Поэтому я попытался пого-

ворить с ним через небольшое окошко на двери. Я отодвинул затворку еще когда подошел, но он был так увлечен молитвой, что не обращал на меня внимания.

– Добрый вечер, мистер Хоффишер!

Он замолчал, но не повернулся.

– Тук, тук... – сказал он радостно, как ребенок.

– Тук, тук! – более настойчиво и громко сказал он, когда я не ответил.

– Кто там? – недовольно и устало ответил я, сдавшись.

– Мессия... – прошипел Хоффишер и рассмеялся, теперь глядя на меня через маленькое отверстие.

Я недолго смотрел на него, заметив синяки под глазами и бледность лица, болезненную бледность. А потом я со стуком закрыл затворку и пошел к миссис Олдриж. Она рыдала и все время говорила, что она виновата в смерти сына. Глаза ее были ясные, мысли не спутаны. Но говорить она не хотела, просто попросила меня оставить ее одну до завтра. Я попросил ее успокоиться и ушел, когда она легла на кровать и отвернулась к стене.

Мальчик спал, я не стал его тревожить. Вспомнил, что забыл принести ему книгу. Мне вдруг захотелось подышать воздухом, на выходе из больницы мне встретился второй санитар Джон Харрсон. Он сказал, что получил записку от Матиса и готов отдежурить ночь. Я сказал, что в этом нет необходимости и я сам останусь на ночь, но Харрсон был непреклонен. Он сказал, что знает о смерти мадам Леванш и хочет

помочь мне, как может.

– А единственное, что я могу сделать для вас, это позволить вам отдохнуть дома, а не здесь среди безумия. Матис не в себе. Он тогда еще стал утверждать, что, мол, видел призрака матери Хоффишера. Бедняга сдал, не для него эта работа. Не хочу, чтобы и вы от усталости увидели то, чего не существует, – закончил он.

Я был благодарен ему за понимание и заботу. Велел сильно не утруждаться и сделать обход раза два, не более. Остальное время разрешил читать или спать.

Письмо отца Флеккера (продолжение)

После того, как я прочел записи от седьмого сентября, лицо отца Грегори изменилось. На нем был виден страх и волнение. Его глаза забегали по полу, как бывает, когда страшная тайна человека выходит наружу, и ему уже не скрыть ее.

Я заметил это и насторожился.

– Все в порядке, отец Грегори? – спросил я мягко. Он закрыл глаза и обреченно опустил плечи.

– Этот мальчик... ему десять, русые волосы, среднего роста, худой, со шрамом за ухом? Глаза серые, пальцы тонкие и длинные, все время тербит ими что-то?

Я был поражен до глубины души. Откуда отец Грегори, никогда не бывавший в Картрайн-Хилле, мог знать такие подробности о нашем бедном мальчике?

Неудивительно, мисс Мари, что я невольно задал этот вопрос отцу. Просто слова сорвались с губ против моей воли. Даже быстрее, чем я мог подумать спросить.

– Откуда вы знаете этого ребенка? – я отложил записи диктора.

– Это не ребенок, – по-прежнему не открывая глаз, ответил отец Грегори, – но прошу вас, дочитайте записи.

Я решил, что так будет справедливо и нашел нужный лист.

Записи доктора Ричарда Филдса

8 сентября

Около половины третьего утра я соскочил с кровати, услышав, как кто-то пытается выломать мою дверь. В нее стучали так ярко и громко, что я невольно взял револьвер и, проверив наличие пуль, спустился вниз. Но стоило мне посмотреть в стеклянные вставки в двери, как я успокоился. Это был инспектор Хьюс.

– Рич, собирайся! Идем! – сказал он, как только я открыл дверь. Он был весь мокрый, но не от дождя, а от пота. Дышал тяжело, будто задыхался.

– Что...

– Мари! Ей плохо!

– Нужно к профессору!

Роберт схватил меня за плечо и больно сжал.

– Если я и могу доверить Мари кому-то так же, как себе, то только тебе, Ричард.

Я накинул пальто поверх ночного белья, обулся и вышел на улицу. Роберт побежал в сторону дома, я за ним. Даже дверь запереть забыл. Дорогу перекрыли из-за реконструкции, а потому мне стало понятно, почему Роберт был таким запыхавшимся. Всю дорогу пришлось бежать. Роберт не сказал ни слова. Лишь обмолвился, что такого приступа у нее еще не было. Впрочем, я сам в этом убедился, когда, нако-

нец, вспотевшие и уставшие мы забежали в комнату мисс Мари.

Она сидела на полу, согнув ноги в коленях и уложив на них голову. Она не задыхалась. Ее не били судороги. Она просто сидела и что-то шептала. Так усердно и постоянно, заканчивая и начиная сначала. Я не мог разобрать ни слова. Аннет вся в слезах, стояла у порога. Лицо ее было бледное.

– Мисс Мари? – я хотел подойти ближе, но Аннет подпрыгнула и громко крикнула.

– Нет! Не надо!

Я вздрогнул от неожиданности, Роберт тоже. Он разозлился и выгнал бедняжку из комнаты, велел привести, если это возможно, профессора.

Мари же никак не реагировала на происходящее.

– Она спит? – спросил Роберт.

Я проигнорировал. Подошел ближе и слегка коснулся ее плеча. Мари засмеялась. Глухо и не своим голосом, плечи ее резко стали подниматься и опускаться.

– Мисс Мари, проснитесь, – я слегка потрепал ее за плечо. Она резко повернула голову ко мне, и я заметил, что ее зрачки сильно расширились. Я даже не знал, что они так могут.

– Это ты спишь, мразь! – Мари хрипела и шипела одновременно. Но она не спала. Я одернул руку и слегка отклонился назад.

– Ты будешь бить лоб в кровь, вместе со всеми, кто не верует, – Мари мгновенно встала на четвереньки и резко по-

вернула голову набок, – я отметил ее, он выбрал ее... я отметил ее... он выбрал ее...

– Мисс Мари...

– Он выбрал... как и ее, и ее, и многих тех других блудниц...

Мари была в каком-то жутком и омерзительном трансе. Я видел это впервые и впервые я был растерян и не знал, что делать. Я поднялся с корточек, потому что Мари стала подползать ко мне, продолжая бубнить про то, что кто-то кого-то выбрал. Инстинктивно я сделал шаг назад, а потом Мари закричала, закричала от дикой боли. Она отбросила себя назад, перевернулась на спину и стала махать рукой, будто обожгла.

– Что с ней?! – Роберт кинулся к сестре, но я придержал его, уставивши взгляд в пол. Там лежал нательный крест мисс Мари вместе с порванной цепочкой. На нем была кровь. Крест лежал прямо в том месте, где мисс Мари почувствовала боль.

От дурных суеверных мыслей меня оторвал плачь Мари.

– Роберт... что... что происходит... Ричард? – Мари хлопала глазами, прикрывая оголенные ноги ночной рубашкой. Я же, нахмурившись, смотрел на нее, пытаюсь найти разумное объяснение. Но не смог, заметив рану на ее руке.

– Вам лучше прилечь, – наконец, мне удалось взять вверх над эмоциями.

Роберт помог Мари подняться и уложил ее в кровать, бе-

режно накрыв одеялом и пледом, так как она дрожала, хоть и уверяла, что ей не холодно. Я попросил Роберта принести настойку пустырника.

– Мари, ты помнишь, что случилось до припадка? – осторожно спросил я, сев рядом с ней и положив ее руку в свою.

– Мне снился сон, – голос ее тоже дрожал и был слаб, – снова о тебе. Ты поцеловал меня, но потом начал душить и... твои глаза... они были такими злыми, не такими, как всегда.

– А потом?

– Я просила тебя перестать, а ты велел дать согласие. Я не знала на что, но мне было так страшно, что я сказала, что согласна. Ты... он рассмеялся... – голос Мари совсем стих, и она заплакала, – это был не ты, Дик...

Как же давно я не слышал этого имени. Так меня называла только мама, а когда об этом узнала Мари, то и она тоже. Но уже четыре долгих года я не слышал этого имени.

– Это был Дьявол...

Я попросил Мари выкинуть эти мысли из головы. Объяснил, что такое бывает при психических расстройствах. Рассказал случай из практики профессора, который он так любит рассказывать на лекциях. Это история о парне, который считал себя мореплавателем, силачом, лингвистом и рыбаком. А по факту был только рыбаком. Но иногда он действительно знал многое об устройстве судна, выполнял тяжелую работу, которую в другой день выполнить не смог бы. А иногда говорил на разных языках, но став снова рыбаком, едва

знал английский.

– Во мне есть какая-то личность? – голос Мари и вовсе оборвался. Я даже не знаю, что для нее хуже, думать, что она одержима или что у нее раздвоение личности.

– Возможно, и, наверное, она набожна, – я улыбнулся, взял платок с прикроватной тумбочки, чтобы вытереть рану на ее руке.

Мари нахмурила брови и надула губы. Я поймал себя на мысли, что несмотря на бледность и усталость, она выглядит прекрасно.

– Ты уверен, что я не одержима? – спросил она, когда, вытерев кровь с тыльной стороны ладони, я увидел рану в виде креста. Она тоже ее заметила.

– Определенно... – неуверенно ответил я.

В комнате появился Роберт с настойкой. Я перевязал Мари рану, не показывая ее Роберту. Она выпила настойку, я дал ей снотворное и, дождавшись, когда она уснет, ушел.

Профессор приехал как раз, когда я уходил. Он подвез меня домой. По дороге рассказал о своей беседе с вдовцом мадам Леванш. Оказалось, он винит в ее смерти только себя. На меня зла не держит, говорит, что я сделал все, что мог, а знать, что его прекрасная супруга решится снова на самоубийство, я как раз не мог. Это меня немного успокоило, но ненадолго. Потому что профессор рассказал, что повесилась мадам Леванш на дереве за церковью. А перед этим стояла на крыльце и плакала. Но, когда отец Флеккер, спросил по-

чему она не войдет, она сказала, что больше не может. Потом ушла и покончила с собой. Я сделал вид, что меня это не заинтересовало, профессор же выглядел задумчивым.

Я вошел в дом, закрыл дверь и лег спать, забыв снять пальто и помыться, чтобы избавиться от скверного запаха пота.

Проснулся от головной боли. Было около семи утра. Наложил компресс с холодной водой и попытался уснуть, но не получилось. Мысли мои были спутанные и противоречивые. Глаза мои видели ночью то, что видели, но разум пытался объяснить все логически. Всему есть рациональное объяснение. И этому приступу Мари я его найду. Пока лежал и пытался снова поспать, решил, что нужно поговорить с профессором о самовнушении. Если вторая личность Мари внушила, что она – демон, то ожог от креста можно как-то объяснить. Но как? Прикоснись к этой простой побрякушке из серебра я ничего не произойдет. Да и любой другой тоже не почувствует боли. Почему она почувствовала? Забитые мною отголоски бабушкиного воспитания пытались прорваться. Она была верующим человеком, даже слово «демон» или «дьявол» не произносила. Молилась утром, за обедом, перед сном. Читала мне истории из библии вместо сказок. Я их и воспринимаю как сказки.

Но сегодня наперегонки с болью в голове остатки бабушкиного суеверия прорывались наружу. Надо с ними что-то делать.

Уснуть не удалось. Выпил таблетку, принял ванну и от-

правился на работу. Санитар Харрсон был мрачнее тучи, бледный, глаза красные.

На мой вопрос, что случилось, отвечал спутанно и нервно. Сказал, что в три часа ночи он услышал пронзительный крик Хоффишера. Тот пытался сломать дверь с дикими нечеловеческими глазами. Кричал, что он должен встретить его. На вопрос санитара о ком речь, отвечал всегда одно – Мессия.

В это же время миссис Олдриж впала в истерику, она рыдала, лежа на полу, и вырывала волосы, крича, что по ошибке убила своего маленького мальчика. И только мальчик Фримансов был спокоен. Он просто лежал на спине, сложив руки на груди. Суматоха и крики его несколько не тревожили, даже наоборот. По крайней мере, так сказал Харрсон. Я поблагодарил его за терпение, извинился, что ему пришлось дежурить не в свою смену и отпустил домой.

– Здесь что-то не так, доктор, – вдруг сказал он у двери, – эти люди... я работаю здесь давно, вы знаете, но они никогда так себя не вели. Если бы вы согласились уйти из больницы и найти место поспокойней, то я бы тоже ушел.

– Я психиатр, Харрсон, – улыбнулся я, – какое место для меня будет спокойным? А ты можешь уйти, если тебе не комфортно здесь работать, я пойму.

– Нет, доктор. Я вас здесь одного не оставляю.

Харрсон улыбнулся устало и печально и ушел. Я послал за профессором. В записке я попросил навестить мисс Мари, если ему это удобно. Сообщил, что вероятнее всего, наши с

ней чувства мешают ей выздороветь и толкнули на вырождение ее темную личность, которая, видимо, зациклилась на мне. Поэтому лучше мне вообще не видеться с ней в ближайшие дни и наблюдать за ее болезнью со стороны.

Сам же я, чтобы отвлечься от Мари, решил заняться пациентами. Хоффишер молился, миссис Олдриж спала, неспокойно, но крепко. Мальчик Фримансов смотрел в окно. Я пытался поговорить с ним, но он только кивал или пожимал плечами. Разговаривать не хотел, но выглядел хорошо. Только был слишком бледным и казался худее, чем раньше. Я заметил на столе две тарелки с едой. Овсяная каша уже покрылась корочкой. Мальчик не ел со вчерашнего вечера. Я спросил про его аппетит, он пожал плечами и лег спать. Я решил оставить его.

Чтобы мысли о Мари не терзали меня, я отправился к бывшей гувернантке Фримансов, дабы разузнать у нее причину бегства из семьи, а также расспросить побольше о Фримансах, чтобы лучше составить психологический портрет своего самого юного пациента.

Найти гувернантку не составило труда. Закончив все дела, к обеду я заехал в полицейский участок к инспектору Хьюсу. Он дал мне адрес. Сегодня Роберт был обеспокоенным и грустным. Мысли о тяжелой болезни Мари били его в самое сердце, мешая сосредоточиться на работе. Я рассказал ему о своих догадках относительно ее новой личности и поделился намерениями пока не общаться с ней. Роберт моего решения

не одобрил и не постеснялся это высказать. Я заверил, что решение мое окончательное, а также напомнил, что профессор Миррер – профессионал своего дела.

К четырем часам был у гувернантки. Ее имя Николетт Броу. В доме Фримансов проработала пятнадцать лет, как мне стало известно с ее слов. Говорила она неохотно, но в дом меня впустила и даже принесла чаю.

– Миссис Броу, что вас так напугало в доме Фримансов? Почему вы решили оставить их? – спросил я напрямую, так как сразу обозначил, что цель моего визита – узнать, как можно больше о мальчике.

Миссис Броу заерзала на месте и захлопала глазами, как обычно делают пытаясь прогнать слезы.

– О, доктор, вы мне не поверите. Кто угодно поверит, но вы точно нет, – усмехнулась она, допивая чай.

– Давайте забудем на время, что я психиатр. Я просто человек, пытающийся помочь мальчику. Говорите, как есть, не бойтесь, я не сочту вас за сумасшедшую. В последнее время я слышал слишком много странного.

Миссис Броу помолчала, потом вздохнула, как будто собираясь с силами. Она поправила платье, выпрямилась и гордо вскинула голову.

– Он не нуждается в помощи. Это всех нас надо защитить от него. Это была обычная семья. Я работала на них с удовольствием. Но когда привезли мальчика...

– Подождите, так он не их сын?

– Нет, мистер Фриманс привез его из Глазко. Сказал, что мальчик – сирота. А так как у них с женой не получилось завести детей, то мальчика они усыновили. Но этот мальчик... он всегда смотрел как затравленный звереныш. Но они не видели этого. Только позже, около двух месяцев назад это стала замечать миссис Фриманс. Она водила его к вам, кажется, но вы не смогли их принять.

– А как долго мальчик жил в семье Фримансов?

– Около двух лет. Сначала все было более или менее нормально. Но потом, когда мистер Фриманс запретил жене водить мальчика в церковь, если он того не хочет, она хотела тайком сводить его на встречу с отцом Флеккером в парке. Она велела мне поторопить мальчика. Когда я вошла в его комнату, он... парил в воздухе. Руки его были раскинуты, как у Иисуса на распятии. Ноги вместе. Глаза белые, ни зрачков, ничего не было. Он поднялся от земли дюймов на двадцать, не меньше. Я сразу побежала. Сказала миссис Фриманс, что работать у них больше не буду и побежала в церковь, помолилась и пришла домой. Никому ничего не рассказывала, даже мужу. Только вам говорю, доктор, потому что все вас уважают. Вы добрый человек. Избавьтесь от мальчика, отдайте в сиротский или работный дом! Да куда угодно! Только подальше от себя его уберите!

– Миссис Броу, вы верующий человек? – спросил я, но списывать странности этих людей на влияние веры становилось все труднее. Она кивнула. Я кивнул в ответ.

Ушел от миссис Броу около шести. Хотел поговорить с отцом Флеккером, но в церкви его не оказалось. Однако, в больнице меня ждал сюрприз. Отец сам пришел ко мне с важным, как он сказал, делом. Сегодня мне придется остаться дежурить. Харрсон не может жить здесь, а пока не найдется замена Матису, то придется оставаться на ночь и мне. Отец Флеккер не хотел заходить, но все же сдался.

Мы сидели в моем кабинете. Ему было неуютно сидеть на кушетке, где я обычно осматриваю больных. Мне же это показалось символичным. Надеюсь, отец Флеккер никогда не прочитает эти записи.

Сначала он попросил меня помолчать и дать ему возможность все рассказать. Настроен он был решительно, поэтому я лишь справился о том, не желает ли он чаю или чего-то еще. Но он сказал, что нет. И попросил побыстрее начать. Я сел поудобней, приготовившись к немислимым рассказам о демонах и прочих выдумках. Хотя где-то глубоко внутри моего разума эти выдумки стали обрастать логикой.

– Я прошу вас, доктор, отдать мне мальчика Фримансов, – священник нервничал и даже не мог это скрыть.

Мы знакомы со святым отцом давно. Иногда я приглашал его к своим пациентам, к тем, кто особо в этом нуждался. Впрочем, встретив его, я решил, что он пришел к миссис Олдридж, но, вероятно, я ошибся.

Я поднял бровь и многозначительно посмотрел на священника.

– Я понимаю, доктор, вы думаете, что делаете благое дело. И так есть, ибо движет вами сердце. Я вижу, что вы, как никто другой, искренне хотите помочь этим беднякам. Но сейчас вы делаете только хуже им же.

– Да, именно. Я желаю помочь этим беднякам, которым не захотел помогать ваш Бог.

Отец Флеккер собирался возразить. Это я понял точно, но помолчав немного, он продолжил, будто я и вовсе не язвил.

– Этот мальчик опасен. Вы думаете, что это просто ребенок, но это не так. Я не знаю откуда он взялся, но везде, где он бывает, он сеет хаос.

– Десятилетний мальчик? – не знаю почему я продолжил попытки поддеть священника. Видимо, это у меня на инстинктивном уровне. Но отец Флеккер не обращал на мой тон внимания.

– Он одержим, или сам есть отродье беса. Все, что он делает, это разрушает. Вы сами можете видеть, как он воздействует на ваших пациентов. Я слышал о нападениях Хоффишера. Вспомните, в каждом из случаев, этот мальчик был здесь, ведь так? Я на самом деле беспокоюсь за вашу жизнь. Ваша матушка была мне хорошим другом.

– Напрасно, – вздохнул я, – он не особо опасен. Лишь периодами. Я сам виноват во многом. К тому же, если давать ему больше сладкого, то он и вовсе безобиден.

– Кстати, на счет голода. Мальчик ест?

– Вы что же хотите обвинить меня в не надлежащим со-

держании пациентов?

– Вы знаете, что нет. Перестаньте язвить и дерзить, а лучше задумайтесь. Хоффишер напал на вас тогда, когда мальчика привели впервые. Я помню, миссис Фриманс рассказывала мне. Мадам Леванш чудесным образом исцелилась, а потом покончила с собой. А, судя по тому, как часто в последнее время вы бываете в доме Хьюс...

– Довольно! – не выдержал я.

Упоминание Мари было лишним. Да и вообще слушать этот бред мне не хотелось. В первую очередь потому что он переставал казаться бредом.

Впрочем, отец Флеккер собирался продолжить, но не успел. Мы услышали пронзительный крик. Я узнал его. Это Хоффишер.

– Простите, – сказал я и помчался к пациенту, чей крик едва не глушил меня. Не знал, что человек может так громко кричать. Я слышал, как отец Флеккер бежал за мной.

– Мистер Хоффишер, отойдите от двери! – скомандовал я, заметив, как безумный пытается выбить дверь. В нем словно проснулись до этого дня спящие силы. Дверь крепкая поскрипывала и даже дергалась от удара ногой.

– Мистер Хоффишер, отойдите от двери! – мне пришлось кричать, потому что он не замолчал.

Кричал, как сирена. Но вдруг он замолчал и остановился. Остолбенел, будто увидел призрака. Я обернулся. Позади меня стоял отец Флеккер. Он держал распятие, демонстри-

руя его больному.

Я заметил, что Хоффишер словно впал в некое подобие транса. Он стал быстро мотать головой, но едва заметно. На лбу выступили крупные капли пота. Сам он не моргал, а просто смотрел на священника. Но по взгляду было ясно, что он не фокусируется. Глаза его бегали. Теперь его бросило в дрожь, а капли пота потекли ручьем. Отец Флеккер подошел ближе.

– Сын мой, ты сильнее, чем думаешь, – сказал он, – тебе нужно просто прогнать его. Прогнать и уверовать в то, что сила Бога мощнее, ибо мы веруем в нее.

Я усмехнулся. Невольно. Отец Флеккер услышал, но не отреагировал. К моему удивлению, взгляд Хоффишера прояснился. Он захлопал глазами и посмотрел на меня.

– Доктор? – голос его был спокойным, как обычно. Но он был явно удивлен происходящим.

– Вы ... вы слышали его? Что он сказал? – Хоффишер шептал, как будто кто-то может услышать его.

– Кто? – спросил я и опустил руку отца с крестом. Он бросил на меня неодобрительный взгляд, но спорить не стал.

– Он не говорит имени, доктор. Но он хочет, чтобы я выпустил его, – Хоффишер подошел совсем близко к маленькому окошку, через которое мы наблюдали.

– У него нет имени? Но кто он?

– Не ... не... мне нельзя... – Хоффишер говорил с трудом, будто физически не мог произносить слова. А потом случи-

лось ужасное. Он высунул язык и стал тянуть его, пытаясь вырвать. Отец Флеккер стал молиться.

– Мистер Хоффишер, прекратите! – я стукнул ладонью по двери, – прекратите, я сказал!

Войти внутрь, когда он в таком состоянии означало верную смерть. Но, если я не помешаю ему, то он оторвет себе язык. Бедняга морщился от боли, но продолжал тянуть. Делать было нечего, и мне пришлось войти. Я схватил Хоффишера за руки и попытался убрать их, но силы в нем сегодня было куда больше, чем обычно.

– Доктор, выйдите оттуда! – крикнул отец Флеккер, не спешивший мне помогать.

– Хочешь помочь? – Хоффишер, наконец, убрал пальцы изо рта, – сдохни!

Это я помню, как сейчас. А остальное нет. Очнулся в кабинете на кушетке. Здесь же были отец Флеккер, профессор Миррер и инспектор Хьюс.

Голова болела будто по ней ударили топором. Я ощупал затылок, но раны не нашел.

– Лежите смирно! – вскрикнул профессор Миррер, случайно заметив мое пробуждение.

– Почему вы за моим столом? – спросил я Роберта и не узнал свой голос. Он был похож на голос пьяницы.

– У вас сильное сотрясение, – констатировал Миррер, – полежите еще немного.

Профессор настойчиво придавил меня к кушетке, и я по-

слушался. В итоге оказалось, что Хоффишер, как говорит по крайней мере отец Флеккер, оттолкнул меня настолько сильно, что я отлетел в противоположную стену и сильно ударился головой. Потом Хоффишер сбежал.

– Мне повезло, что он оставил меня. Просто пробежал мимо, – пояснил отец Флеккер, который – как выяснилось, и вызывал инспектора и профессора.

– Ричард! – в кабинет забежала мисс Мари. Она упала на колени перед кушеткой и взяла меня за руку. Мне пришлось прищуриться, чтобы увидеть ее лицо. Перед глазами все плыло.

– Мари, я же велел тебе сидеть дома! – послышался суровый голос Роберта.

– Сидеть дома? После того, как мальчишка принес телеграмму, что на Ричарда напал сумасшедший?! – голос Мари не уступал в суровости голосу брата.

– Роберт прав, Мари, – выдавил я и сделал усилие, чтобы сесть. Но профессор тут же пресек мои попытки. Я снова лег и ударился головой, но, к счастью, обо что-то мягкое. Мари сжала мою руку так сильно, что я удивился, откуда в столь хрупкой женщине такая сила.

– Я не могла сидеть дома в неведении. О, Ричард, этот сумасшедший пытался убить тебя трижды. Ты, видимо, и сам сумасшедший, раз до сих пор лечишь его.

Говорила она суровым голосом, но нежно гладила меня по руке, а потом она уткнулась теплыми влажными губами мне

в лоб. Наверное, это был самый счастливый момент в моей жизни за последние четыре года.

– Не стоит так волноваться, мисс Мари.

Я выждал момент, когда профессор отвернулся, вступив в диалог со священником, и сел. Так голова кружилась еще сильнее и меня начало тошнить.

– Да чтоб мне провалиться! Доктор Филдс, немедленно лягте! – профессор снова уложил меня в горизонтальное положение.

– Я останусь тут, – сказала Мари.

– Нет, нет... – начал я, но мои возражения были жестко пресечены.

– Я не спрашиваю вашего разрешения, доктор, – Мари встала и выпрямилась, повернувшись к брату, – я останусь здесь, и никто более не вправе решать за меня.

Я простонал, понимая, что не найду сил заставить ее уйти домой. Роберт лишь вздохнул.

– Что ж, тогда я тоже останусь здесь, – сказал он.

– И я, – поддержал его профессор, – этот парень может вернуться.

Отец Флеккер только кивнул, но всем было понятно, что он тоже останется здесь. В моем кабинете, где два стула и кушетка. К счастью, пришел Харрсон. Он услышал о побеге Хоффишера от констеблей, расклеивающих объявление и предостерегающих жителей покидать дома. Инспектор предложил всем разъехаться по домам. Но я сказал, что не остав-

лю Харрсона здесь одного.

– Как будто от вас будет польза, ей Богу! – вставил профессор Миррер. Инспектор распорядился оставить в больнице с Харрсоном двух констеблей. Харрсон убедил меня, что он в безопасности и сказал ехать домой.

Но Мари наотрез отказалась отпускать меня и настояла, чтобы я ночевал в их доме. Роберт ее поддержал, как и все остальные. Я не стал спорить, потому что хотел спать и меня тошнило так, что я боялся даже глотнуть воды.

Меня расположили в свободной комнате. Мари принесла мне ужин. Сама. Аннет она попросила меня не беспокоить. Но я не стал есть. Воротило даже от запаха еды.

– Вы должны есть, чтобы силы к вам вернулись, – Мари зачерпнула в ложку бульон и протянула мне. Я посмотрел на ложку, а потом на Мари и покачал головой.

– Дик, ты же знаешь, что должен, – мисс Мари взмолилась, – ты же врач.

– Это платье выглядит слишком дорогим, чтобы быть испорченным рвотой, – улыбнулся я.

– Тебя тошнит? – испуганно охнула Мари, прикрыв губы рукой.

– Это нормально, – я взял ее за руку, – это пройдет. На лице Мари появилось сочувствующее выражение. Она убрала тарелку подальше от меня и вернулась.

– Почему он сделал это? Ты же хороший человек.

– Кто, Хоффишер?

Она кивнула.

– Он тоже хороший человек, Мари, – сказал я, устало улыбнувшись, – наш мозг контролирует все. Эмоции, чувства, мысли, движения. Но у него он болен. Он работает не так. Не понимает, что хорошо, а что плохо. Хоффишер не виноват.

– Подумать только, – хмыкнула Мари, – Роберт говорил, что в юности ты был задирой и пакостником.

Я засмеялся. Впервые за долгое время. Даже головная боль не помешала. Мари лишь улыбалась, глядя на меня все еще сочувствующим взглядом.

– Он преувеличивает, – ответил я и поцеловал ее руку. Она вздрогнула и коснулась своими губами моих едва ощутимо, словно приятный и нежный ветерок.

– Поспи, – сказала она и встала, – завтра я все равно накормлю тебя. Надену платье попроще.

Я улыбнулся ей и пожелал приятных снов. Она тоже улынулась и ушла. Я уснул, казалось, она еще даже не успела выйти.

Письмо отца Флеккера (продолжение)

Я снова прослезился, читая запись от восьмого сентября. Надо же в те счастливые минуты с вами наш дорогой доктор даже не подозревал, что минуты эти так и останутся минутами. Мисс Мари, не сердитесь на меня за то, что я прочел слишком личные записи о вас с доктором, но так я хотел достучаться до отца Грегори. Единственного, кто мог нам помочь. Я переживал за профессора, надеясь, что обнаружу его живым по приезде.

На этом записи доктора Филдса заканчиваются, и вам, мое дорогое несчастное дитя, понятно почему. Далее я предложил отцу Грегори послушать мои записи, потому что иначе он не сможет понять всего ужаса произошедшего.

Записи отца Флеккера

9 сентября

Я никогда не записывал свои дни. С памятью у меня все в порядке, поэтому необходимости в этом никогда не возникало. Но я чувствую, что должен довести записи доктора Филдса до конца, потому что мне придется обратиться за помощью. Пишу вечером. Руки трясутся. Сильно переживаю за профессора Миррера. Надеюсь застать его живыми по возвращении.

Но начну по порядку с самого утра и постараюсь описать все в подробностях.

Мы собрались в доме Хьюсов и узнали, что у мисс Мари снова был приступ. Доктор Филдс сумел ей помочь, но только тогда, когда поднес к ее лицу крест. До того, по его рассказам, она согнулась так, что вполне могла сломать позвоночник и по всем законам физики и анатомии должна была. Но, к счастью, этого не случилось. Я спросил доктора, почему вдруг он решил использовать крест. Он ответил, что нет смысла закрывать глаза на очевидные факты. Я, было, обрадовался, что он, наконец, прозрел и принял факт таким, какой он есть. Но, увы, он лишь пришел к выводу, что некая вторая личность девушки считает себя одержимой, а потому реагирует на освященные предметы и всю религиозную атрибутику.

Я вздохнул и только покачал головой. Профессор Миррер попытался убедить доктора Филдса, что не все нужно пытаться объяснить рационально. Но даже его он не желал слушать. Мисс Хьюс воздержалась от комментариев. Она была расстроена. Мистер Хьюс был согласен со мной. Он высказал свое мнение, чем вызвал издевательский смех доктора Филдса.

Когда Аннет принесла чай, и мы все уютно уселись в гостиной полукругом на мягкой мебели, я начал свой рассказ, поглядывая на доктора Филдса, который слушал и не перебивал. Но по его глазам мне было ясно, в душе он смеется надо мной и моими убеждениями. Несмотря на это, я на самом деле любил его, как человека светлейшей души. Доктор даже не подозревал насколько он, убежденный атеист, близок к Богу, потому что совершает добрые поступки, не ожидая ничего взамен. В то время, как часто верующие помогают нищим и другим нуждающимся ради места в Раю.

– Я слышан об этом мальчике. Ранее он жил в Глазго. Не знаю, в какой семье, но знаю, что там был случай, когда семью из четырех человек сожгли живьем. Вернее, официально это был пожар, но выжил лишь их сын. До того нечто подобное случилось в Уэльсе. Там семью растерзали дикие волки. Остался жив лишь их сын. Конечно, у меня нет доказательств, что все это один и тот же мальчик.

После этих слов я посмотрел на доктора Филдса, который одобрительно кивнул, словно подтверждая что-то у себя в

голове.

– Когда он появился здесь, все было нормально некоторое время. Но потом миссис Фриманс рассказала мне о том, что он не ест уже больше месяца.

– Миссис Фриманс была никчемной матерью, скажу я вам. Не удивлюсь, что она просто не замечала, – вмешался доктор Филдс.

– Доктор, где ваши манеры? – возмутился профессор, – не нужно перебивать.

Доктор Филдс извинился и пообещал впредь молчать. Я знал, он человек не злой. И, если извинился, значит свою вину признал.

– Так вот, я говорил с ним. Но он всегда смотрел на меня, как звереныш. В церковь входил, но всегда стоял подальше от распятия. Я молился за него и читал молитвы при нем. В последние несколько дней их посещения, ему стало плохо при моих молитвах. Видимо, силы демона иссякали от священных текстов. Я решил устроить проверку и якобы случайно пролил на него святую воду. Мальчик зашипел и обругал меня такими словами, что даже наш сапожник Генри Сайпс постеснялся бы повторить. Потом они перестали приходить. Тогда я пришел к ним, миссис Фриманс была мрачнее тучи. Она рассказала, что мистер Фриманс запретил водить мальчика в церковь, если он того не желает. Он велел вести его к доктору Филдсу. И я не был удивлен, потому что веры у мистера Фриманса было столько же, сколько у нашего

дорогого доктора.

Доктор Филдс улыбнулся.

– Но если все так, – задумчиво произнесла мисс Хьюс, – то зачем ему исцелять мадам Леванш?

– Или миссис Олдридж, – добавил доктор, – она стала вполне разумной. Я даже думаю, выписать ее через некоторое время.

– Смею предположить, что мадам Леванш была нужна ему для чего-то. Поэтому, попав в дом скорби, он первым делом исцелил ее. Что же касается миссис Олдридж, мой дорогой друг, то ее история покажется вам куда страшнее предыдущих.

Я видел, как мисс Хьюс напряглась и пододвинулась поближе к доктору, положив свою руку в миллиметре от его руки. Доктор Филдс почувствовал это и пропустил свои пальцы под пальцы мисс Хьюс, не глядя на нее.

– Миссис Олдридж была моей прихожанкой, как мистер Хоффишер и мадам Леванш. Некоторое время назад она потеряла сына, как нам известно, уронив его в реку с моста. Но мне эта история известна другой. Будучи беременной миссис Олдридж приходила ко мне. Она говорила, что ее все время что-то беспокоит. Ей казалось, что кто-то наблюдает за ней. Она даже собиралась сходить к вам, доктор. Но я убедил ее молиться.

Доктор усмехнулся, но мисс Хьюс грубо сжала его пальцы в качестве замечания.

– Прямо перед родами она пришла и сказала, что внутри нее не человек. Она умоляла меня вынуть это из нее. Но я ее успокоил. Сказал, что такое бывает, особенно при первых родах. Сказал, что волноваться – это нормально. А через некоторое время она выронила его, гуляя по мосту. Я приходил к ней после этого, еще до того, как ее поместили в дом скорби. Она сказала, что родила монстра. Поэтому утопила его ради блага людей. Я тогда решил, что она сошла с ума. Поэтому и посоветовал ее мужу обратиться к доктору Филдсу. Более того, миссис Олдридж говорила мне, что долгое время не была близка с мужем, но, тем не менее, проснулась беременной.

– Прямо непорочное зачатие, простите, – не выдержал доктор Филдс.

– Ричард! – мисс Хьюс наградила доктора взглядом с укором.

– Не богохульствуйте, доктор! – добавил профессор. Мистер Хьюс тоже кивнул. Доктор же взмахнул руками и сказал, что хочет подышать свежим воздухом. Он заявил, что его можно не ждать и продолжать «свои эти сверхъестественные небылицы».

– Мисс Хьюс, могу я попросить минутку вашего времени? – обратился я к мисс Хьюс. Она улыбнулась и пошла в кабинет. Я извинился перед профессором и мистером Хьюсом, объяснив, что вопрос, который я планирую задать мисс Хьюс, может поставить ее в неловкое положение, если бу-

дет задан при мужчинах. Мои собеседники переглянулись, но кивнули.

Я вошел в кабинет. Мисс Хьюс сидела на краешке стола.

– Мисс Хьюс, я сразу попрошу меня простить, но мне известны ваши сны о докторе Филдсе. Профессор рассказал мне ранее. Не могли бы вы ответить на вопрос, который покажется вам бестактным?

Мисс Хьюс немного покраснела, но кивнула.

– В каком-нибудь из снов у вас с доктором была интимная близость?

Как я и ожидал, мисс Хьюс смутилась и покраснела еще больше. Но ее ответ меня порадовал.

– Нет, святой отец. Он только... целовал меня и все время просил ждать снова. Но почему вы спрашиваете?

– О, моя милая девочка, явно не из любопытства. У меня есть некие предположения по поводу мотивов демона. А ваш ответ подтвердил их. Мы не будем никому рассказывать о нашем разговоре, особенно доктору. Но я должен при всех объявить о своих догадках.

После этого мы вышли в гостиную. Доктор уже вернулся, а вместе с ним воздух наполнился едва уловимым ароматом хорошего табака с нотками шоколада. Он сидел с усталым видом на диване, сложив ногу на ногу и тер глаз, будто в него что-то попало или доктор хочет спать. Мисс Хьюс, раскрасневшаяся от моего откровенного вопроса, хотела сесть рядом с ним, но передумала и села напротив. Доктор, вроде,

этого не заметил. Мистер Хьюс сидел в кресле с задумчивым видом, а профессор, нахмурившись, смотрел в пол.

– Друзья, у меня есть что сказать, – начал я, чтобы привлечь внимание всех присутствующих. Когда все обратили на меня взгляды, я продолжил.

– Думаю, мне, наконец, стали ясны мотивы демона.

– Да, ну?! – вырвалось у доктора.

– Ричард! Ты невыносим! Что с тобой?! – возмутилась мисс Хьюс и топнула ногой, вскочив.

Доктор глубоко вдохнул, а потом выдохнул.

– Простите, святой отец, – сказал он, даже не глядя на меня.

– Продолжайте, отец Флеккер, – послышался милый голос мисс Хьюс. Она встретила взглядом с доктором и укорительно покачала головой. Тот поднял глаза к небу.

– Миссис Олдриж сказала, что забеременела, не имея близости с мужем. Мадам Леванш, как и миссис Олдриж, впрочем, заявляла, что за ней кто-то наблюдает... А наша милая мисс Хьюс видит сны, в которых доктор Филдс пытается ее соблазнить...

– Кажется, я понял! – вдруг вскрикнул профессор и поднялся на ноги так шустро, словно ему нет и двадцати, – демон принимает облик любимого мужчины, чтобы явить миру антихриста! Он проникает в сознание, а потом просит разрешения прийти наяву. Вероятно, правда то, что такие деяния демона совершаются по доброй воле праведника.

После этих слов я кивнул, мисс Хьюс охнула, мистер Хьюс сдвинул брови, сомневаясь. А доктор засмеялся, хоть и на самом деле пытался сдержаться.

– Простите, святой отец, – сказал он, сквозь смех, – не то чтобы я считаю, что вы лжете. Я вижу, вы искренне верите в то, о чем говорите, но это чушь.

Он, наконец, перестал смеяться и стал серьезным.

– Мадам Леванш не беременела. Да и – если предположить в бреду, что это правда, зачем она нужна ему?

– Демоны на земле, среди людей несут одну миссию. Сделать мир безбожным, – сказал я, глядя прямо в голубые глаза доктора, – возможно, мадам Леванш была выбрана им, как и мисс Хьюс, и миссис Олдридж, но дух ее оказался сильнее и смог сопротивляться. Все мы знаем мадам Леванш, она была женщиной не из слабых.

Но, если предположить, что правы вы, то, когда я зайду в палату к мальчику, ничего не произойдет? Если я заблуждаюсь, а вы правы, доктор?

– Конечно произойдет, – вдруг сказал он, – мальчик не желает вас видеть из-за того, что мать внушила ему всякую ерунду. И вы тоже внушали, святой отец.

– Иногда не обязательно все объяснять рационально, Ричард, – поддержал меня профессор.

– А как иначе? Никак, по-другому ничего не объясняется!

– Господа! – нас прервал голос мистера Хьюса, – Рич, если ты уверен, что мальчик – просто мальчик, – а я буду безумно

рад, если так и окажется, то почему запрещаешь отцу Флеккеру его посетить? Чего ты боишься? Может, того, что в глубине твоей души есть сомнения? Но ты слишком упрям, чтобы признать?

– Не надо мной манипулировать! – голос доктора Филдса звучал угрожающе. Он даже сделал шаг в сторону мистера Хьюса, – я не позволю тебе снова мной манипулировать.

– Снова? Я никогда тобой не манипулировал, – возразил мистер Хьюс и тоже сделал шаг в сторону доктора.

Доктор усмехнулся.

– Но после ТВОЕЙ пламенной речи я лишил себя счастья быть с той женщиной, которую люблю больше всего на свете!

Доктор сжал кулаки. Намечалась драка, но нежный голос мисс Хьюс, как всегда возымел на нас успокаивающий эффект.

– Роберт, Ричард, прекратите!

Все посмотрели на нее. Она устало вздохнула и подошла к доктору. Мисс Хьюс положила руку ему на грудь и заглянула в глаза, слегка привстав на носочки.

– Дик, я должна знать, насколько мой мозг болен. Прошу, давай просто проверим мальчика и все. Мы сделаем все аккуратно, а если он расстроится, то мы уйдем.

Доктор взял руку мисс Хьюс в свою.

– Мари, тебе проще думать, что твои приступы – это влияние чего-то сверхъестественного, чем признать, что ты больна.

Он сказал это нежно, с горечью в голосе.

– Ты сказал, что любишь меня. Если это так, то сделай это для меня. Если ты окажешься прав, то мы оставим все это и будем тебя лечить.

Доктор закрыл глаза, сдавшись.

– Хорошо, – коротко ответил он. Профессор хлопнул в ладоши.

К обеду мы были в доме скорби. Доктор настаивал на том, чтобы оставить мисс Хьюс дома, но она и слушать не хотела. Похоже, она единственная, кто имеет на него влияние.

Когда мы вошли внутрь, доктор сразу остановился. Он осматривал помещение, словно видит его впервые.

– Харрсон! – крикнул он, но в ответ была только тишина. Зловещая и пугающая. Доктор проследовал далее, мы за ним. Он подошел к открытой двери и заглянул туда.

– Миссис Олдридж? – но в палате никого не было. Доктор посмотрел на инспектора, тот напрягся и достал револьвер. Доктор подошел к двери от комнаты отдыха персонала, выставил руку и тут же остановился, не позволяя нам пройти дальше, чтобы увидеть то, что видит он.

– Профессор, вы не могли бы вывести мисс Хьюс на улицу? – сказал он, глядя внутрь. В глазах его читался ужас.

– Что? Зачем? – голос мисс Хьюс дрожал.

– Мари, сделай, о чем Ричард просит, – сказал инспектор. Профессор слегка погладил мисс Хьюс по плечу. Та покорно направилась к выходу вместе с ним.

Убедившись, что мисс Хьюс ушла, доктор толкнул дверь, которая и так была приоткрыта. Перед нами открылась ужасная картина. Все было в крови. Пол, стены, письменный стол и шкаф были забрызганы алой жидкостью. На полу у окна лежало тело бедняги санитаря. Я бы его не узнал, если бы не фамилия на рабочей рубашке. Доктор Филдс сел на корточках рядом с ним, зажмурился, сдерживая слезы и закрыл его глаза рукой.

– Рич, кто мог это сделать? – инспектор был не в меньшем ужасе, чем все мы. Запах крови ударил в нос, отчего мне стало дурно, но я не подал виду, чтобы доктор не выпроводил и меня.

– А где мои констебли? – инспектор выбежал в коридор. Я вышел за ним, оставив доктора попрощаться с Харрсоном.

Инспектор открывал каждую дверь. Впрочем, они все и так были открыты. Он просто толкал их, чтобы сразу видеть палату. Ни мальчика, ни констеблей найти не удалось. Лишь через несколько минут, когда доктор и инспектор проверили каждую комнату, полицейские нашлись. Они были мертвы. Их тела лежали в уборной. Здесь же было и тело Хоффишера. Полицейские были разорваны, Хоффишер был застрелен. В него всадили пуль шесть, не меньше. Инспектор рассмотрел тела и пришел к выводу, что констебли слышали шум в комнате отдыха, где Хоффишер убил санитаря. Безумец убежал в туалет, где и был убит. Но одного инспектор никак не мог понять – кто тогда так жестоко убил констеб-

лей?

– И где миссис Олдридж? Надо сообщить ее мужу, – сказал доктор, с болью и жалостью глядя на Хоффишера.

Мы вернулись в кабинет доктора. Инспектор отправился в участок. Мари и профессор вернулись. Доктор запретил мисс Хьюс покидать его кабинет.

– Это все мальчик, доктор, – сказал я, заметив, что на докторе Филдсе просто нет лица. Я знал, что внутри него идет борьба разума и чувств.

– Как, святой отец? – спросил доктор. Но в голосе его уже не было сомнения.

– Он силен. Демон силен, но он ограничен физическими возможностями сосуда, поэтому не мог выбраться из палаты сам. Он повлиял на беднягу Хоффишера, чтобы тот выпустил его. Думаю, именно он и убил констеблей.

– Тем более, если он ограничен силой десятилетнего ребенка, как ему удалось справиться с двумя взрослыми мужчинами?

– Сил демона хватит на это, доктор. Вероятно, скоро приход антихриста, раз он организовал свой побег именно сейчас.

Доктор молчал. Он просто сидел за своим столом, нахмурившись, и о чем-то думал. Я не удивился бы, если бы он сказал, что мальчик не виновен, а кто-то третий пришел, убил всех и забрал ребенка.

Но он этого не сказал. Даже наоборот, помог мне в столь

важной миссии, возложенной на меня, как и на него, Господом.

– Матис, – сказал доктор едва слышно. Даже мисс Хьюс не расслышала его.

– Матис говорил, что его жена забеременела не от него, – медленно проговорил доктор, как будто слова его и мысли были расхожи. Потом он встал тоже медленно. Прошел к столу и вынул оттуда листы бумаги, исписанные чернилами. Он стал переключать листы, сдвинув брови. Мисс Хьюс с интересом наблюдала за ним, как и я.

– Вот здесь, – он протянул мне лист, – это мои записи. Здесь описан разговор с Матисом.

– Вы записывали все?

– У меня плохая память, – доктор устало потер глаза, как будто не спал несколько ночей, но я думаю, о себе давало знать сотрясение.

– Вы позволите мне прочесть их все? – спросил я, понимая, что на этих листах я могу найти ценную информацию, которую доктор таковой может не считать.

– Здесь... есть личные записи...

– Я обещаю, что прочту и тут же забуду все, что не касается этого дела.

Доктор посмотрел на листы, но в итоге протянул их мне, как будто они ему больше не нужны.

– Ричард, ты в порядке? – обеспокоенно спросила мисс Хьюс, когда доктор снова потер глаза.

– Да, я просто... голова болит, – ответил он и подошел к окну.

Я прочел его записи, сделанные размашистым и трудночитаемым почерком, и пришел к выводу, что жена санитара Матиса, вероятнее всего, и есть женщина, носящая антихриста в своем чреве. Доктор сказал, что рожать она должна вот-вот, поэтому дождавшись инспектора, мы поехали домой к Матису. Мисс Хьюс оставили дома вместе с профессором. Она слишком ранима, посчитал доктор, а профессор – стар.

После четвертого стука в дверь жена Матиса все же появилась на пороге. Она придерживала живот одной рукой, другой держалась за поясницу. Она никак не могла понять цель нашего визита, но все же впустила нас. Передвигаться ей было тяжело, каждое движение давалось с болью и трудом.

– Простите, миссис Матис, а где ваш супруг? – поинтересовался доктор. Она гордо вскинула голову и рассказала нам свою историю. Оказывается, Матис действительно собрал вещи и покинул город, оставив беременную жену одну. Но она заявила, что не жалуется.

– Мадам Леванш была самостоятельной и сильной женщиной, я тоже смогу, – сказала она и поморщилась, – там как будто не ребенок, а...

– Зверь? – спросил я. Она удивленно посмотрела на меня, как и доктор с инспектором.

– Простите, я не поняла, – попыталась улыбнуться она,

но замерла и стала медленно сползать с кресла, держась за живот,— ой, кажется, он хочет наружу, — сказала она.

Я подбежал к женщине, доктор тоже.

— Ой!

Ребенок пинался. Даже не пинался, а пытался прорваться наружу, но не обычным путем, он пытался прорвать себе путь на свет прямо через живот. Мы видели, как его ручки возились внутри, натягивая плоть миссис Матис так, что она была готова разорваться. Женщина при этом кричала от боли, а потом начала просить вытащить его, потому что он разорвет ее.

— Я позову врача! — инспектор кинулся к выходу, но я его остановил.

— Инспектор, мы должны остановить приход зверя, — сказал я шепотом, пока доктор Филдс пытался убедить миссис Матис дышать ровно.

— Что значит, остановить? — ужаснулся инспектор. А потом мы услышали неприятный хруст и короткий, но многозначительный крик доктора.

Доктор сидел на полу, отпрянув от женщины, у которой буквально лопнул живот. Лицо доктора и его рубашка были забрызганы мелкими, но частыми каплями крови. Окровавленная ручонка торчала из живота миссис Матис, которая уже не дышала. Затем появилась еще одна ручонка. Они вцепились в плоть матери и стали разрывать живот, готовя себе путь на свободу. Я помог доктору подняться. Тем вре-

менем из тела женщины уже выглянула голова. Ребенок был больше, чем обычно бывают младенцы. Его глаза были красного цвета. А может это кровь его матери, в которой он был полностью выпачкан.

Доктор дышал прерывисто, в глазах его застыл ужас, инспектор впал в некое подобие ступора. Он просто стоял и смотрел, как дьявольское создание вылезает наружу. Ребенок посмотрел на меня и зашипел, словно змея. При этом у него уже были зубы. Острые, похожие на резцы. Он издал писк, а затем зарычал. Недолго думая, доктор схватил ножницы, лежавшие на тумбочке рядом с клубком и спицами. Он подбежал к выродку и стал хладнокровно и даже жестоко тыкать ножницами маленькое тельце. От этого кровь брызгала в разные стороны, покрывая доктора собой полностью. Антихрист визжал и пытался ручонками остановить своего убийцу, но сейчас доктор был сильней.

Ричард перестал кромсать отродье, только когда инспектор перехватил его руку и отвел назад.

– Рич, все! Все!

Антихрист к этому времени уже давно был мертв. Но доктор продолжал тыкать в него ножницами, словно обезумев. Хотя, возможно, так и было.

Придя в себя, доктор выронил ножницы. Они воткнулись прямо рядом с его ногой. Он посмотрел на свои окровавленные руки и стал судорожно стирать кровь с лица рукавом пиджака.

– Надо вывести его на воздух, – предложил инспектор. Он взял друга за плечи и повел к выходу. Тот словно послушное дитя шел, куда его ведут. В этот момент я понял, что если бы его подвели к обрыву, он шагнул бы, даже не заметив.

Но, к счастью, мы вышли на улицу.

Доктор не смог идти и, как только его легкие наполнились свежим воздухом, он сел на крыльцо, будто потеряв последние силы. Через некоторое время я вернулся в дом, чтобы проверить, что антихрист мертв, наверняка. Так и было. Ужасное лицо уродливого дитя застыло в гримасе боли и злобы.

Инспектор, оправившись от увиденного, уехал в участок, чтобы сообщить о двойном убийстве. Пришлось импровизировать. Инспектор Хьюс высказал свои предположения, что якобы Хоффишер убил миссис Матис и ее ребенка, так как окончательно помешался на религиозной почве. А уже потом он, якобы, отправился в дом скорби.

Оставлять доктора одного было нельзя. Поэтому мы отвезли его в дом Хьюсов. Мисс Хьюс заметив, что он весь в крови, принялась плакать и осматривать его.

– Мисс Мари, доктор цел, это не его кровь. Но ему лучше смыть ее с себя поскорей, – сказал я, когда понял, что доктор сам объяснить ничего не сможет.

У него был отрешенный взгляд. Вероятно, он даже не совсем еще понимал, что произошло. Мисс Мари распорядилась набрать теплую ванну, предусмотрительно спрятав

окровавленного доктора в кабинете. Мы усадили его на стул. Он сидел и просто смотрел на свои дрожащие ладони. Но взгляд его стал проясняться.

– Может, это генетический дефект? – едва слышно сиплым голосом сказал доктор после того, как я все рассказал мисс Хьюс и профессору. Она упала на колени перед доктором и хотела взять за окровавленные руки, но он одернул их.

– Не прикасайся к ней!

– Ричард, все хорошо, – мисс Хьюс погладила его по ноге, – ты поступил правильно.

На глазах доктора выступили слезы, и я понял, что сомнения в нем сильнее, чем вера. Он даже не мог доверять своим глазам. Так хотелось ему все объяснить рационально, что я побоялся, что он станет винить себя в убийстве невинного дитя.

Я хотел проводить его в ванную, но он отказался. Пошел один. Мисс Хьюс дежурила возле двери, прислушиваясь.

Кажется, теплая ванна помогла доктору вернуть рассудок и здравый ум. Или так на него повлияло очищение от грязной крови антихриста, но, когда он вернулся, одетый в одежду инспектора, глаза его были ясными, взгляд задумчивым и сосредоточенным, походка снова стала уверенной. На беспокойство мисс Хьюс он отмахивался. Говорил, что нет причин волноваться.

– Кажется, мне пора прозреть, – сказал он твердым голосом и посмотрел на меня. Я одобрительно кивнул. К вечеру

вернулся инспектор.

Немного посоветовавшись, мы решили, что мальчика нужно найти, пока он не покинул город. Мисс Хьюс была выбрана его следующей жертвой, поэтому мы не могли спокойно сидеть и ждать. Было решено начать поиски с дома Фримансов. Демон жил там два года, скорее всего, он туда и вернулся. С трудом удалось уговорить мисс Хьюс остаться дома, но еще трудней было уговорить остаться дома мистера Хьюса.

– Роберт, мне будет спокойней, если я буду знать, что Мари под твоей защитой, – сказал строго доктор Филдс, – профессор уже не молод, а отец Флеккер нужен нам там, потому что он единственный, кого демон боится.

– Тогда ты останься с Мари, а я пойду с отцом и профессором, – упрямо сказал инспектор.

– Я в ответе за этого мальчика.

– Ты не в ответе! Ни за мальчика, ни за мадам Леванш, – возразил инспектор, – ты просто человек, Рич.

– Я в ответе за каждого, кто провел ночь в моей больнице, – твердо ответил доктор и, не дожидаясь ответа, направился к выходу. Мы с профессором пошли за ним, инспектор сдался и остался с сестрой.

В доме Фримансов все еще пахло кровью. Забраться туда не составило труда. Доктор, к моему удивлению, блестяще владел импровизируемыми отмычками. Пробрались через окно на кухне.

В доме не было ничего подозрительного. Поднялись в по-

кои супругов. Там тоже все было в порядке, за исключением залитой кровью кровати. Доктор осмотрелся и заметил, что в комнате предметы все на месте, ничего не разбито, не сломано. Видимо, он все еще пытался понять, как убийца сумел попасть в дом и совершить столь страшное деяние, никого не разбудив и ничего не сломав. Жертвы не сопротивлялись.

Но мне было понятно почему. Потому что они и подумать не могли, что их убьет ребенок.

– Кажется, здесь никого нет, – сказал профессор и тут же обернулся, как и все мы. Откуда-то из коридора донесся едва уловимый детский смех.

Мы вышли из комнаты и пошли к лестнице. У ее основания стоял мальчик. Приемный сын Фримансов. Не зря демонов считают идеальными лжецами. Мальчик выглядел как простой ребенок. Глаза мокрые от слез, на лице выражение полной беспомощности и печали. Он опустил руки и тербил пальцами шорты.

– Доктор Филдс? – сказал он дрожащим голосом. Я видел, как доктор сдвинул брови, но не нахмурившись. Он едва сам не плакал, глядя на это безобидное существо.

– Сэм, все хорошо, – доктор сделал шаг, но я перехватил его, вцепившись в локоть.

– Доктор, он манипулирует вами, обманывает, – сказал я так, чтобы мальчик слышал. Но тот лишь пуще заплакал.

– Я хочу к маме, – заикаясь сказал он. Доктор наградил меня осуждающим взглядом.

– Сэм, все хорошо, – доктор выставил руки вперед и медленно спускался по лестнице, боясь напугать ребенка.

– Доктор, остановитесь, умоляю вас, – я сделал еще одну попытку ухватить его за руку, но он ловко вывернулся.

Я видел, доктор уверен, что говорит с ребенком, но я знал, что это не так. Потом я буду жалеть всю свою жизнь, что не предпринял третьей попытки остановить его. Разум его, привыкший мыслить рационально, отказывался принимать тот факт, что с ним говорит коварный и злобный демон. Говорит губами маленького ребенка, чье тело он захватил. Мальчик продолжал плакать, и я даже подумал на секунду, что демон оставил его. Но мысли мои быстро вернулись в прежнее русло, когда доктор, спустившись вниз, сел на корточки перед ребенком и взял его за плечи.

– Все хорошо, Сэм, мы поедem в больницу. Я буду с тобой, тебя никто не обидит.

Ни я, ни профессор не решались спуститься. Доктор был смелым, но на этот раз лучше бы оказался трусом. Мальчик вдруг перестал плакать, лицо его исказилось в злобной гримасе.

– Ты заплатишься за то, что убил его! – прохрипел он нечеловеческим голосом. Я бросился к доктору, он собирался встать, но демон молниеносно свалил его и впился в горло зубами. Я услышал неприятный звук рвущейся плоти, доктор не кричал. Я схватил демона и приложил свой нательный крест к его голове. Начал читать молитву. Демон отпустил

доктора и закричал, пытаясь вырваться из моих рук, но я обхватил его крепко.

Я ужаснулся, увидев доктора. Его горло было в крови, разорванная плоть свисала кусками. Он был еще жив, но кровь булькала в его ране, а потом он закашлял, отчего кровь хлынула и изо рта. Профессор зажал рану, но между его пальцев тут же потекла кровь.

В дом забежала мисс Хьюс и ее брат. Мисс Хьюс сначала остановилась, а потом упала на колени рядом с доктором.

– Ричард, – она боялась даже прикоснуться к доктору. Он посмотрел на нее и попытался что-то сказать, но стоило ему открыть рот, как он замер. В глазах его потух блеск. Профессор заплакал, убрал окровавленную руку и сел на пол.

– Нет... нет, Роберт, нужно позвать врача... – потом мисс Хьюс стала захлебываться слезами. Она еще несколько раз попыталась пробудить доктора, аккуратно постукивая по его груди ладонью, но позже закричала. Так истошно, что слышать этот крик было невыносимо.

Ночью нам удалось затащить мальчика в церковь. У входа он матерился и кричал, что-то на незнакомых языках. Мы с профессором едва справились с ним. Я привязал его к стулу так крепко, как только мог. Он продолжал что-то кричать то сильным, то хриплым голосом. Глаза его были бешеными. Он то и дело скалился от того, что находиться в церкви ему было некомфортно.

Мистер Хьюс остался с сестрой. Оказалось, что она не

смогла сидеть дома, пока мы бродили по дому Фримансов и уговорила брата пойти и постоять снаружи. Услышав крик мальчика, она побежала в дом вместе с братом.

Бедная мисс Хьюс убита горем. Инспектору пришлось силой оттаскивать ее от тела доктора, когда приехали констебли и полицейский врач. Она кричала, плакала и просила оставить его с ней.

Я понял, что не справлюсь один, поэтому решил поехать за помощью в ближайший храм. Профессор согласился караулить демона. Инспектор, движимый жадой мести, тоже хотел участвовать, но профессору удалось убедить его, что сейчас он нужней сестре, которую нельзя оставлять одну. Он же уговорил инспектора увезти мисс Хьюс как можно дальше от города, даже не дав проводить доктора в последний путь. Впрочем, к сожалению, никто из нас присутствовать не сможет. Позже я проведу отпевание и помолюсь о его душе.

Я отправился утром десятого сентября.

Письмо отца Флеккера (продолжение)

Когда я закончил читать свои записи, отец Грегори горько усмехнулся и немного побледнел. Я выдержал паузу, позволив ему собраться с мыслями.

– Что ж, святой отец, – сказал он устало, – а теперь послушайте мою историю.

Дальше я опишу все с его слов. Дословно, увы, не запомнил, но суть передать смогу. Этот мальчик появился в деревне, где родился отец Грегори, который на тот момент и думать не мог о том, чтобы посвятить себя Богу. Мальчик жил в семье приезжих фермеров. Через полгода они утонули, но он нет. Мальчика забрала к себе семья отца Грегори. Ему на тот момент было пятнадцать, но он ясно видел, что его приемный брат не такой, как все. Он сразу заметил в нем жестокость и злобу. Он был завистлив, любил пакостить и подставлять брата, притворяясь перед приемными родителями жертвой его издевательств.

А однажды отец Грегори обнаружил свою мать. Она повесилась в сарае. Позже то же самое сделал и его отец. А мальчик исчез. Отец Грегори искал его, и везде находил похожие истории. Однажды ему даже удалось схватить его и вывести демона на разговор. Тот даже проговорился. Заикнулся про

мать, назвав ее первой шлюхой Сатаны. Простите мне мою дерзость, но я передаю настроение отца Грегори и цитирую его дословно.

Так отец Грегори и пришел к выводу, что мальчиком завладел Каин. Один из самых ярых и жестоких адских тварей. Но как только демон понял, что сказал лишнего, то исчез. Исчез и притих. Не убивал, не соблазнял женщин. Так отец Грегори и стал священником. Своим долгом он считал найти и обезвредить демона. Но тот пропал. Пропал настолько, что отец Грегори стал о нем забывать. Но что-то заставило его снова перейти к действию, что тревожило отца Грегори, а потом и меня тоже.

Отец Грегори выразил свои соболезнования по поводу смерти доктора. Он сказал, что ему жаль так, как будто они лично были знакомы. А потом мы поехали в Картрайн-Хилл.

К счастью, профессор был жив. Но он сидел на крыльце, поседевший еще больше и осунувшийся. Сказал, что внутрь не зайдет, ибо демон набирается сил и уже даже может снова влиять на разум людей. Что именно он ему показал, я расспрашивать не стал. Хотелось побыстрее закончить с демоном.

Мисс Мари, я приложил и свои записи тоже, где подробно расписал все, что происходило в церкви.

Записи отца Флеккера

Когда мы вошли в церковь, отец Грегори немного остолбенел.

– Надо же, он не постарел ни на минуту, – сказал он, но потом собрался и достал все свои принадлежности. Демон при этом смеялся, уверенный, что ничего у нас не получится, однако улыбка сползла с его лица, когда он услышал приветствие отца Грегори.

– Ну, здравствуй, Каин, – сказал он и подошел ближе, – ты, наверное, не узнал меня... брат.

Демон оскалился. Но я точно увидел в его взгляде страх. Он больше не смеялся, а только смотрел на отца Грегори сосредоточенным взглядом.

– Начнем, – сказал отец Грегори, и мы вместе стали читать слова, необходимые для экзорцизма.

Не скажу, что все прошло гладко. Мальчик стал трясти головой и издавать звуки разного характера. То хрипел, то кашлял, то свистел, то сопел. Всех не перечесать. Но мы продолжали читать, изгоняя его, Каина из тела бедного ребенка. Через некоторое время мы увидели профессора. Он вошел в церковь с плахой в руках. Глаза его были словно у спящего. Они ничего не выражали, были затуманенными и безразличными. Но он шел прямо на нас уверенной походкой, какой никогда не ходил. Мы поняли, Каин повлиял на него.

Отец Григори облил демона святой водой. Тот зашипел и замотал головой, в надежде побыстрее скинуть с себя капли. Профессор, словно проснулся. Захлопал глазами, огляделся и удивленно уставился на плаху в руках.

А мы продолжали. Читать пришлось девять раз. Я уже даже потерял надежду, но вдруг демон раскрыл рот и перестал дышать.

– Это еще не все, – сказал он. После чего голова мальчика безвольно упала, руки ослабли. Они уже не сжимали кулаки, врезаясь в ладони ногтями. Мы перестали читать. Отец Григори облил его святой водой, ничего не произошло.

Письмо отца Флеккера (продолжение)

На этом все, мисс Хьюс. Мне безмерно жаль, что наш уважаемый доктор не дожил до победного конца так немного. Не знаю была ли на то воля Божья, или нет.

К сожалению, мальчика спасти не удалось. Сразу после сеанса, мы обнаружили, что у него нет пульса. Демон морил ребенка голодом, поэтому не удивительно, что он умер, и скорее всего, уже давно.

Отец Григори вернулся в свою церковь, убежденный, что война не закончена. Он сказал мне:

– В этой войне не может быть победителей, но мы здесь, на земле выбраны Отцом нашим, чтобы хотя бы уравнивать счет.

Это было последним, что он мне сказал. Я сердечно поблагодарил его и отправился на пристань. Там проводил профессора. Он уплыл на первом же корабле. Здесь же услышал от сплетничающих дам, что в реке нашли тело миссис Олдридж. Именно в той реке, где она утопила сына. Отец Григори прояснил мне некоторые моменты касательно этой женщины. Я удивился зачем демону исцелять ее, но отец сказал, что это ее наказание. Он сказал мне:

– Одно дело быть безумной и верить, что сын жив, а дру-

гое знать, что он мертв. И не просто знать, а осознавать, что его убила ты, поверив в невообразимое. Хотя, вероятней всего, женщина на самом деле избавила мир от монстра. Безумство было для женщины спасением, исцеление – пыткой.

До этого мы все втроем навестили доктора на кладбище. Не переживайте, мы отпели его и помолились, прося Отца выделить ему самое красивое место в Эдеме. Положили цветы. Не знаю, любил ли он их.

Доктор прожил короткую жизнь, но ему удалось познать самое главное. То, чего так ждут и не могут дожидаться, даже дожив до ста. За столь недолгое время, отведенное ему, он познал любовь. А это самое главное, ради чего стоит жить.

На этом заканчиваю письмо. Прошу вас, дорогая мисс Мари, отдохните на море и не торопитесь в Картрайн-Хилл.

Искренне ваш, отец Флеккер.

Письмо Мари Хьюс

Дорогой, отец Флеккер. Я очень рада, что вам удалось справиться с тем злом, что погубило так много жизней. Я надеюсь, что оно еще долго не вернется, но сказать честно, уверенности в этом у меня нет.

Приступов у меня больше не повторялось, что странно. Не знаю, то ли демон исцелил меня, то ли сами приступы и были его работой по ослаблению моего духа. Ведь начались они два года назад, как раз, когда мальчик прибыл в город.

Сегодня говорила с братом. Через неделю возвращаемся. Мне удалось его уговорить. Он хотел остаться здесь, ему даже работу предложили. Но я настояла на возвращении в Картрайн-Хилл. Мое место там, где мой дорогой Дик.

С момента его смерти прошло так мало времени и мне жаль, что то, как сильно я его люблю, я поняла только теперь. И осознание того, как часто он бывал в моем доме, а я так и не сказала ему этого лишь сильнее режет сердце. Роберт тоже очень переживает, он даже плакал несколько раз. Корит себя за то, что в кандидатах на мое сердце ценил не те качества. Боится, что Ричард так и не простил его, но я заверила брата в том, что несмотря на некоторые скверные черты характера, Ричард был не злопамятным.

Я не могу передать словами всю ту боль, с которой мне придется жить теперь. Но одно могу сказать наверняка, я

не боюсь одиночества. Потому что я не одна. Я знаю, что Ричард здесь, он рядом. Когда я закрываю глаза, то вижу его. Он садится ко мне на кровать и говорит со мной. Но теперь я знаю точно, что это он. Не демон или Дьявол, это он.

Знаете, святой отец, я так боюсь забыть его лицо. Сейчас я помню каждую его ресничку, каждый завиток непослушных волос, небесного цвета глаза, длинные и тонкие пальцы, как у музыканта. Помню его запах, вкус его губ. Но я так боюсь однажды забыть что-то из этого. Надеюсь, если суждено этому случиться, то это произойдет только тогда, когда я в последний раз закрою глаза, потому что тогда, я уверена, он встретит меня и возьмет за руку. А я снова смогу почувствовать его тепло и прикосновение.

И он скажет мне голосом, который я так люблю.

– Моя милая Мари, добро пожаловать домой.

Вечно ваша, Мари Хьюс